

Зарина Бернэ

ЗА БЕЛОЙ ГРЯДОЙ

Зарина Бернэ
За Белой Грядой

«Автор»

2026

Бернэ З.

За Белой Грядой / З. Бернэ — «Автор», 2026

Мирра — девушка из клана, где у каждого есть защитник — тотем зверя в которого он оборачивается. У всех, кроме нее. Зато у нее есть пугающий и бесполезный дар — видеть будущее, в которое нельзя вмешиваться, иначе все обернется в стократ хуже. Так и вышло, когда она решила помешать счастью лучшего друга. Теперь ей предстоит отправиться вызволять его младшего брата из самого неприветливого места на всем Севере. Дан — случайный попутчик, с которым у Мирры одна цель, но их разделяет множество тайн, которые они оберегают, чтобы защитить окружающих. Алаид — двурогая гора за Белой Грядой, что выбрала своим логовом холодная и безжалостная женщина-волчица и именно туда ведет путь Мирру. Но как пройти его, если ты слаб и напуган и все, что заставляет тебя делать шаг вперед — это разрывающее на куски чувство вины? И как быть, если знаешь заранее, что не выберешься оттуда живой? История о том, что иногда поиски своего места в мире приводят нас к людям, с которыми мы наконец чувствуем себя дома.

© Бернэ З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зарина Бернэ За Белой Грядой

Глава

Посвящается моему дяде – лучшему другу детства.

За Белой Грядой.

«Разве к тебе идя, не иду домой я?»

Я лечу в пропасть...

Слышу шум ветра, что, играя треплет мне волосы, путается в плаще. Сверху на меня равнодушно смотрит хмурое серое небо. Время замедлилось и я вижу, как мимо в нежном танце пролетают снежинки. Не знаю, была ли я готова к смерти, ведь я уже видела все это. Но мне отчаянно хотелось ей сопротивляться. Я изо всех сил барахтала руками в воздухе, пытаюсь замедлить свое падение, но земля неумолимо приближалась...

«Вот и конец...» – только и успело мелькнуть у меня в голове.

Глава 1

Я взобралась на крутой восточный склон и гляделась. Внизу во всей своей красе раскинулась Долина.

Никто не помнит, как давно мы пришли сюда. Наш народ веками кочевал, но придя сюда и остался на века. Кто-то говорит, что все дело в плодородной земле, кто-то – в лесах полных дичи, кто-то – в болотах, богатых ягодами и целебными травами, кто-то, что нашу деревню защищает ущелье.

А кто-то знает, что все дело в Источнике. Маленький ключ с кристальной водой бил у подножия горы, словно из самого камня, оплетал ее змейкой и убегал по Долине, чтобы слиться со своими братьями и уйти в Теплое море.

Мы случайно забрели сюда, когда еще моей прабабушке было всего шесть весен. Она рассказывала, что они хотели всего лишь переждать зиму, укрывшись от злых ветров. Но зима сменилась другой зимой, потом еще одной и еще, и уже никому и в голову не приходило, что нужно куда-то уходить. Раньше мы нигде так долго не останавливались. Мы построили жилища из плоского камня, научились оседлой жизни и обрели чувство дома.

Завтра мне семнадцать, и по меркам нашего клана я стану взрослой. И хотя быть взрослой понятие довольно относительное – уже сейчас я точно взрослее всех своих сверстников, хотя бы потому что видела больше любого из них. И все равно, что не наяву. В день своего семнадцатилетия, я получу право выбора. Идти куда захочу и сама устраивать свою жизнь, смогу даже покинуть Долину, если пожелаю.

Такое право есть у каждого достигшего этого возраста в нашем клане. Человек переходит грань детства и становится свободен выбирать путь. Ведь у каждого он свой, так гласят заветы предков. Куда бы не завел.

Так сложилось еще со времен, когда клан кочевал с места на место и нигде долго не задерживался. Зов постоянного движения был у нас в крови, он плескался в венах моих предков, как бурная вода во время шторма, не давая замереть или прорасти корнями ни в одном месте. Он вел их как невидимая жила, что вышла из сердца и тянула вперед. Без усталости и сожалений. Так было, пока не нашли Источник...

Сейчас же это скорее дань традиции. За все время, что клан обосновался в этих краях только один мужчина покинул род и ушел за пределы Долины. Да и то, только потому, что потерял свою любимую и не смог найти больше себе здесь места без нее. Это было четыре года назад. Он больше не возвращался и мы ничего о нем не слышали, оставалось только надеяться, что он обрел то, что искал.

А так, у нас в Долине есть все, что нужно для спокойной и счастливой жизни. Мы держимся вместе и живем в гармонии с собой и этой землей. Мы долго искали и наконец нашли свой дом. Зачем куда-то еще идти, если не знаешь, как там будет? Так по крайней мере говорят старейшины. И кто я такая, чтобы сомневаться в их словах?

Завтра мне семнадцать и я, конечно, покидать Долину не собираюсь.

А зачем? Долина – лучшее место на всем Севере. Любоваться ей я могу бесконечно, особенно когда забираешься на один из трех высоких склонов окружавших ее и смотришь на деревню, что раскинулась в низине. С детства, как только я научилась уверенно ходить и смотреть, что у меня под ногами, мама брала меня с собой за сбором целебных трав или спелых ягод.

С южной стороны на склоне росли густые колючие кусты ежевики – моего любимого лакомства. Но даже предвкушение, что я сейчас заберусь в самую гущу и сначала как следуем наемся сочных плодов, не могло ускорить меня. «Мирра, не отставай!» – только и слышала

я, когда поднималась по склону на своих тонких ножках. Оборачивалась и замирала с приоткрытым от восторга ртом, любуясь открывшимся мне видом.

Похожая на большое гнездо, окруженная со всех сторон лесом и цветущими лугами, убаканная горами и скрытая от посторонних глаз. Изумрудная летом и серебристо-белая зимой, Долина всегда меня завораживала. Даже, когда я еще и слов-то таких не умела выговаривать.

По низине искрилась ленточка реки, что собирала свои воды с гор. В нее же впадал и Источник. Иногда я садилась на самый гребень холма и с опаской вглядывалась в противоположную сторону, в редяющие вдаль ажурные ярусы леса, полей и гор, туда, куда сбегали облака, и что-то внутри начинало скрести, сначала робко мягкой звериной лапой, но потом все настойчивее, выпуская когти. Мирра, а что же там за ними? Давай узнаем! Но я силой заставляла себя отвернуться и разглядывала свой дом. Самое красивое уже у тебя под носом, – твердила я себе.

По правому берегу реки расположились жилища и хозяйственные постройки, крыши которых от времени затянуло густой порослью мха. От того они выглядели словно укрытые зеленым одеялом. Между домов совсем не было заборов и вились тонкие ниточки тропинок, что говорило о добрососедских отношениях между семьями. Огорожены были только небольшие высокие грядочки, на которых выращивали овощи. Огородничать мы тоже научились уже здесь.

Посреди деревни виднелась единственная круглая крыша, которую со склона можно было принять за шляпу огромного гриба – это Дом Совета. Там проходили собрания клана, сообща решались все вопросы и отмечались праздники.

Вся северная часть Долины и склон поросли еловым лесом. Там я любила прятаться ото всех, забравшись в заросли резного папоротника, что скрывал меня с головой. Я закрывала глаза и представляла, что слышу, о чем переговариваются деревья. Какие вековые сказки пересказывают друг другу, пока ветер мягко шелестел их колючими ветвями. Мне нравилось чувствовать себя рядом с ними маленькой и незаметной, сливаться в одно целое. Тут же я пряталась от самой себя. И от своих воспоминаний.

Сквозь сон я услышала недовольное ворчание Бланки, мама обычно начинала её будить заранее, потому что она та еще соня. Сначала она уговаривала ее нежным голосом, упрашивала и рассказывала какой вкусный завтрак она для нас приготовила. До меня доносился аппетитный аромат ячменных оладий и к ним скорее всего уже грелось на печи теплое молоко с медом. Но потом, как обычно, все закончится сердитым стягиванием с сестры одеяла, когда у Йоры иссякнет терпение. Я не стала дожидаться, когда мама подойдет ко мне, откинула одеяло, выскользнула из уютной постели и быстро натянула теплое платье.

Сегодня день рождение и посвящение маленького Томуса – ему исполнилось шесть, а значит он готов испить вод Источника и принять свой тотем.

Мы поднялись с рассветом, а Томус, думаю, вообще сегодня не сомкнул глаз. Я помню, как волновалась в день, когда мне исполнилось шесть. С рождением нового солнца я уже стояла у Дома Совета поджимая озябшие пальцы босых ног, но от волнения не обращала на это внимания.

Я умирала от страха и меня переполняло предвкушение – для шестилетнего ребенка громоподобные ощущения. Да еще и бессонная ночь! Пока родители довели меня до Дома Совета я начала икать от холода.

Я родилась в первый день зимы, но в тот год снег задержался где-то по пути и на ветвях еще болтались одинокие жухлые листья, которые стойко сопротивлялись резким порывам ветра. Я тряслась так же, как эти листья, в простом шерстяном платье, подпоясанном верев-

кой. Прийти босиком – это тоже часть традиции, так мы встречаем своего защитника ощущая землю под ступнями и единение с Праматерью.

Мама утром еще раз объяснила, что мне делать, хотя это и не требовалось, я уже не раз видела обряд посвящения других детей.

Вот и сейчас Томус стоял босой, как и я почти одиннадцать лет назад, усиленно стараясь не поднимать глаз, разглядывая что-то в утоптанной тропе, иначе все увидят, как он боится. Но все вокруг ободряюще улыбались, говорили ему добрые слова и легко похлопывали по плечу. Сейчас я уже могла, засунув свою боль поглубже в нутро, искренне радоваться вместе с ними.

Старейшины уже ждали его. Вот он подошел сначала к Глену, тот накинул на его плечи плащ из белой ткани. Яро нарисовал на лице красной краской две расходящиеся линии от переносицы к вискам.

Ика взяла его за руку и повела к Источнику.

Источник стекал тонкой струйкой по скале в небольшую каменную чашу, что сотворил себе за тысячи лет, а оттуда меж камней в ручей, где растворялся, теряя свою чудодейственную силу.

Томус наклонился, закатал рукава, омыл лицо и руки водой. Я до сих пор помнила это ощущение – воздух стылый, так что клубочки пара вырываются изо рта, по краю ручья хрустальный лед, а вода в Источнике неожиданно приятная, теплая. Она как живая, ластится к тебе, словно дикий зверек. Хочется погрузить в нее руки и не вынимать, пока не заоченеет тело от долгого стояния. Вот и Томус задержал в ней руки перебирая пальцами, знакомясь, приветствуя. Я знала, что в этот миг весь остальной мир перестал для него существовать. Затем подставил ладони лодочкой вплотную к скале, ожидая пока они наполнятся до краев. Наклонился. Замер буквально на мгновение и выпил полную пригоршню.

Тишина стояла абсолютная. Никто не разговаривал, чтобы не нарушать хрупкий момент единения.

Ничего бы не изменилось, если бы он пришел сюда один, с глиняной кружкой, просто зачерпнул воды и выпил впопыхах. Эффект был бы тот же. Но мы сделали из этого целое таинство, тихое торжество, чтобы каждый ощущал, какой великий дар ему преподносится.

После Томус утер рукавом стекшие по подбородку капельки и обернулся к нам, в его огромных голубых глазах были удивление и гордость. Вот и все, теперь оставалось только ждать и гадать, тотем какого зверя проявится у него. Если только...

Нет! И думать не смей, чтобы не накликасть беду, запретили я себе. У Томуса обязательно будет защитник!

Защитник или как мы называли тотем – это вторая ипостась, зверь, в которого мог обращаться человек, испивший вод Источника, последнего уцелевшего на Севере, после войны кланов и гнева Праматери.

Моя мама могла оборачивалась рыжебокой куницей, отец – бурой росомахой. У Бланки был тотем лисицы с черным хвостом. У каждого в клане был защитник.

У каждого кроме меня.

Отец задержался после праздника обсудить с мужчинами предстоящую охоту, мама прошла проведать соседку и ее трехдневного малыша, которому помогала появиться на свет, а Бланка уже умчалась с ватагой мальчишек играть к реке. Поэтому домой я отправилась одна, улизнула, пока никто не видит, но не успела отойти и двадцати шагов, как меня окликнули.

– Мирра, стой! – сначала меня настиг голос Бруна, а через пару секунд и он сам. Друг слегка запыхался. – Ты едешь через седьмину в Варгард? – спросил он широко улыбаясь.

– В Варгард? Нет, а зачем? – искренне недоумевала я. Вообще, мы редко выезжали за пределы Долины, тем более так далеко.

Варгард – это столица Севера и самый крупный город. Я была там всего несколько раз и последний – прошлой весной с отцом. Мы тогда ездили пополнять запасы необходимого для клана. Наша обособленность от внешнего мира обоснована тайной, что мы оберегаем от чужих глаз. Но все же нам иногда нужны вещи, которые мы можем достать только в городе: ткани, книги, металл, специи. И иногда новости.

– Ты что забыла?! Праздник Самой Длинной Ночи, конечно же! В этом году будет большое празднование, король созывает мастеров и менестрелей со всего королевства, нельзя такое пропустить! – с восторгом выпалил он.

Как будто я не знаю. Один из восьми праздников года. И Самая Длинная ночь – главный и долгожданный из них. Обычно гуляния длятся с раннего вечера до позднего утра.

Посреди площади разжигают большой костер, водят вокруг него хороводы, облачаются в костюмы нечисти, чтобы настоящая нечесть этой ночи приняла нас за своих и не тронула. Старухи-сказочницы будут рассказывать детям жуткие истории, а они трястись от страха. Мы сами в детстве всегда на этих гуляниях обожали их слушать, хоть потом еще долго вздрагивали от каждого шороха и пугались малейшей тени.

– Ничего я не забыла! Просто растерялась от неожиданности, – увиливала я, но Бруна так просто не проведешь, он знал меня как облупленную.

– Снова летаешь в облаках, Мирра? – вечно это растянутое «ррр» моего имени, когда он хочет меня подразнить. Но эффект обычно прямо противоположный, мне хочется его как следует треснуть.

– Ой, а ты что уже принарядился к празднику? Еще же целая неделя! – я, стараясь перевести тему разговора, нарочито подробно разглядывая его одеяние. По моему дерзко-насмешливому взгляду он понял, что это совсем не комплимент и на секунду растеряно уставился на меня, а затем оглядел себя.

На нем были серые лохмотья, по-другому и не назовешь, из шкуры овцы, которые свисали с плеч бесформенным балахоном. Мне до скрипа в зубах хотелось пихнуть его в бок. Как это вообще возможно, стоять разодетым в такое тряпье и при этом сиять самодовольством? Хотя это же Брун, чему тут удивляться. Только ленивые девушки Долины не строили ему глазки. Но он и правда хорош собой, надо это признать. У него четко очерченный подбородок, широкие скулы, плавная линия губ, но правый уголок немного вздернут и эта небольшая асимметрия придает ему слегка ироничный вид, как будто он все время хочет над тобой подшутить. Глаза цвета голубой забудь-травы – чистые и ясные. Русые волосы до плеч слегка выются, а часть прядей обычно перехвачена кожаным шнурком на затылке и открывают высокий лоб.

Несмотря на заносчивый и немного нахальный характер Бруна, мы с ним друзья с самого детства. Под этой видимостью самоуверенности прячется добрый и преданный друг, который не раздумывая бросится на защиту любого, кому нужна помощь. На этой почве мы и подружились. Защищать приходилось меня.

– А-а-а, это? – протянул он, окидывая себя критическим взглядом и поглаживая мех. – Это идея Гуди. Она попросила принести эту ужасную вещь, чтобы показать, как не нужно обрабатывать шкуру. Это работа отца, а ты же знаешь, она всегда только и ищет повод его уколоть в больное место.

У нас в клане есть наставники, которые обучают подрастающее поколение всем необходимым в жизни вещам: охоте, травничеству, обращению с оружием, портновскому навыку, заготовке припасов на зиму, истории рода, легендам и даже чтению и письму. Гуди одна из них, она учит распознаванию, сбору и применению лекарственных трав, а еще выделке шкур. Никто из нас не знает сколько ей зим, а кто знает – надежно держит язык за зубами. Потому что Гуди обещала тому, кто слишком говорлив, подмешать в чайные сборы трав для легкости в

кишечнике, если тот проболтается. Но внешне она выглядит намного моложе своего настоящего возраста притом, что она обучала не только наших родителей, но и бабушек-дедушек. Вот и отца Бруна, Шиппа, тоже, и еще с тех пор у них сложились по-доброму язвительные отношения. Особенно по поводу абсолютной необучаемости отца Бруна выделывать шкуры, а иногда и безвозвратно их портить, хотя он и прекрасный охотник.

– И как Шипп только позволил вынести ее из дома? – искренне недоумевала я.

– Так я ему и не сказал. Он же на охоте. – Да, беспечность моего друга иногда просто поражала. – Кстати, спасибо за идею использовать этот страх в качестве костюма, я так и сделаю, – и немного подумав добавил, помахав перед своим носом пальцем. – И даже не проси одолжить её тебе!

Я только фыркнула на его слова. На самом деле отец еще ничего не говорил про поездку в Варгард. Возможно, у него другие планы, но Бланка очень хотела попасть на празднование. Ей четырнадцать и это должна была быть ее первая поездка в столицу. Я знала, что если она за него возьмется, то у отца не останется выбора. Сестра умела с боем добиваться своего, когда ей что-то было нужно. Но с ним она разработала другую тактику и брала его более страшным оружием – женскими чарами.

Еще с младенчества она забиралась к нему на колени, гладила нежной ладошкой заросшую щетиной щеку и заглядывала в лицо своими огромными голубыми глазами, как у него. И отец соглашался на все ее уговоры и просьбы, каким бы безумными они не были. Мама, конечно потом лютовала, что он совсем разбаловал младшую дочь, но поделать ничего не могла.

– Но вы можете присоединиться к нам, если Гинтар занят. Места у нас в санях хватит, так что мы с радостью. Тем более едем только я, отец и Гран.

– Хорошо, спасибо! Но ты сначала переживи гнев Шиппа, когда он узнает, что ты сговорился с Гуди! – иногда мне казалось, что подтрунивать над Бруном одно из моих главных занятий в этой жизни. Еще и потому, что его не так-то легко было пронять.

– Не переживай за меня, – махнул он мне в след, уходя в сторону. – Хотя, нет! Переживай!

Вот уж наглец, хотелось крикнуть ему вслед, но я только стояла и глупо улыбалась самой себе, затем обернулась и поплелась в сторону дома.

По привычке ускорила шаг проходя мимо добротного, но пустующего дома с резной дверью, на которой изображен барсук. Даже отвернулась от него, глядя в противоположную сторону, но воспоминания об этом доме и его хозяине все равно жгли каленым железом. И так каждый раз...

Мне было двенадцать. За окном клубился морозный воздух первых серьезных холодов.

Нужно пойти и занести в дом еще дров для очага, морозы хоть еще и не лютые, но уже чувствовалось дыхание зимы по утрам. Дом понемногу остывал, а маленькая Бланка недавно после болезни, её надо беречь от переохлаждения.

Я вышла на двор, обогнула хозяйственные постройки и начала набирать поленья в кованую сеть, как по спине снизу вверх пробежала волна мурашек. И я выронила все из рук. Веки сами собой прикрылись, а дыхание замерло. Кажется, что прошла целая вечность, пока я так и стояла оцепеневшей глыбой, но на самом деле это была лишь пара ударов сердца.

Вал уже в летах, он еще довольно неутомимый старик с россыпью солнечных морщинок вокруг глаз, выцветшими от времени веснушками и яркими синими глазами, которые удивительно возраст не тронул. Он живет от нас за два дома и я вижу, как он собирается на реку за водой. Одет в теплую куртку из овчины и тяжелые сапоги, которые для его старческих сухоньких ног великоваты, в обеих руках по легкому кованому ведру. Вот он шустрым

шагом уже спускается к руслу реки, где оборудован один из спусков к воде. Все вокруг присыпано снегом, который выпал накануне вечером. Слышно только веселое позвякивание ведер, хруст снега под ногами, затем плеск воды. Он набирает почти полные ведра и собирается поворачивать к дому. Но нога ступает на кем-то разлитую воду, что на морозе превратилась в корочку льда и которую предательски не видно из-за присыпанного снега. Непослушная нога едет вперед, Вал теряет равновесие. На лице едва успевает промелькнуть удивление, ведра в руках взлетают и вода расплещивается во все стороны. Вал падает плашмя на спину, голова ударяется о небольшую каменную кладку, которую сложили, чтобы никто из детей не соскользнул в реку. Рядом по искристому снегу растекается тоненькая, до ужаса контрастная, цвета спелой брусники струйка, а ярко-синие глаза неподвижно уставились на небо. С губ срывается последнее облачко пара и растворяется в воздухе.

Я вздрогнула, понимая, что все также стою перед дровником с рассыпанной охапкой поленьев. Судорожно вздохнула.

Это было всего лишь видение. Всего лишь видение. Вал жив и все с ним в порядке, твердила я себе, но сама понимала, что у меня еще не было ни одного видения, которое бы не сбылось. Сердце пропустило удар и болезненно жалось где-то в глубине, за клеткой ребер.

За мою короткую жизнь их было не так много, но я почти всегда видела то, что позже случилось наяву. Иногда это какие-то фрагменты, обрывки, изредка – осмысленные видения. В одном я видела, как Бланка упадет в крапиву, устраивая очередную шалость, и потом сестра и правда несколько дней ходила вся в красных волдырях и нестерпимо чесалась. В другом, как отец найдет в лесу детеныша косули, а через день он принес домой до невозможности милое и напуганное большеглазое создание, мать которого пала от хищника. После он еще почти год жил с нами, пока не окреп.

Но еще никогда я не видела чью-то смерть. И сейчас было свербящее чувство, что это обязательно случится. И очень скоро.

О, нет!

Я сорвалась с места, забыв про дрова, и побежала к дому Вала. Уже на подходе услышала скрип открывающейся двери и шорох шагов на крыльце. Так, надо остановиться, мелькнула мысль, а то напугаю его, он же не знает, чего я так несусь.

Дыхание все еще сбившееся, но я старалась не подавать вида, как будто просто мимо проходила. – Здравствуй, Мирра! Куда направляешься? – щурясь от солнца улыбочиво спросил Вал. Я заметила в его руках ведра и похолодела. – Здравствуй, Вал. Я? Никуда особенно, просто гуляю. Дома все дела переделала, смотрю, где еще могу быть полезной. А ты куда собираешься? По воду? Давай я за тебя схожу, – быстро протараторила я чуть ли не пытаясь вырвать ведра из его рук. Но он так просто не сдавался.

– Не надо, Мирра, я сам, что мне сидеть все дома да дома, хоть кости свои разомну немного.

– Вал, а давай обмен? Я сбегаю за водой мигом, одна нога тут, другая там, а ты напоишь меня чаем со своим ежевичным вареньем, а то у нас оно уже закончилось. А это мое любимое, ты же знаешь! – сделав страдальческие глаза, умоляла я его.

Я на ходу соображала, как мне его уговорить, и отвести беду. От мамы мне, конечно, влетит, еще бы – вышла за дровами, делов пять минут и потерялась, но об этом подумаю позже. Сейчас главное не дать Валу пойти на эту злосчастную реку!

Старик задумчиво глядел на меня несколько секунд, но потом все-таки расплывается в улыбке. Она у него такая, что никогда не сомневаешься в его искренней радости видеть тебя. Вала я помню всю свою жизнь, он один из тех редких взрослых, кто всегда собирал вокруг себя толпу ребятни и возился с нами. Я не знала почему, но своих детей-внуков у него не случилось, но каждый ребенок клана считал Вала еще одним своим дедушкой. И я тоже. Он выстрегивал

нам игрушки и сани из дерева, мастерил качели, учил удить рыбу, и часто сам играл в наши игры. Разве что по деревьям не лазал, да и то, думаю, только в силу своего возраста.

– Ы-ы-ыть, да что с тобой делать-то! – миролюбиво согласился он махнув рукой и, скорее не спрашивая, а констатируя факт, добавил. – Кто ж в крепком уме откажется от чаепития с ежевичным вареньем в хорошей компании? Ладно, иди по воду, а я пока чайник поставлю на огонь, уж на чай-то воды осталось дома.

Я выдохнула с облегчением и быстрее чем нужно забрала у него из рук ведра. Спасла, мелькнула у меня мысль в голове, пока я бежала к реке. Колючий морозный воздух покусывал мне щеки, а снег звонко поскрипывал при каждом шаге. Одеюсь я довольно легко, ведь не собиралась далеко отходить от дома, но меня это мало волновало, хорошо, что только захватила с собой рукавицы.

До реки было недалеко и я в два счета оказалась у спуска. Осторожно ногой смела снег, а под ним и правда оказалась злосчастная корка льда, как в моем видении, на которой должен был поскользнуться Вал. Так сразу ее и не заметишь. Надо будет позже ее счистить, чтобы никто точно не пострадал.

Входя в дверь, мне пришлось немного наклониться, хоть роста я не высокого, но дверной проем еще ниже, так обычно делали из-за длинных зим в наших краях, чтобы сберечь тепло.

Дом у Вала совсем не большой, сколько я его помню, он жил один и всегда говорил, что много ему не надо и главное не в вещах. Скромная обстановка дома состояла из добротного дубового стола у окна, трех стульев, нескольких навесных полок, сундука, лавки, цветастой занавески, которая занавешивала проем во вторую комнату с кроватью прямо у печки. Предметов не много, но зато все они из под рук самого Вала. Он искусный мастер по дереву и резчик, почти в каждом доме нашей деревни есть его мебель и отличить ее от рук других мастеров можно не только по хорошему исполнению, но и по замысловатым узорам, которые он на ней вырезал: тернистый лес, диких зверей и птиц или горные пейзажи.

– Ну ты и шустрая, Мирра. Ставь ведра на лавку около печки и проходи, чай я уже приготовил, да и варенье достал, – расставляя глиняные кружки, пригласил Вал. – Спасибо, за добрую услугу.

– Мне не сложно, – я стянула с рук шерстяные варежки и села за стол, дожидаясь, когда горячий чай будет разлит по кружкам, чтобы согреть кончики пальцев.

– Как Бланка? Поправилась уже?

– Да, ей уже лучше, сборы Гуди помогли быстро, хоть она и успела нас напугать, пока у нее была лихорадка. – Чай уже у меня в руках и я осторожно подула на него сверху, пытаюсь остудить.

– Да, она травница хорошая, не знаю, что бы мы без нее делали. А Бланке накажи больше не убегать на болота без шапки. Хотя Йора, наверное, и так уже провела с ней воспитательную работу, – по лицу Вала видно, что и он представил нашу маму – довольно хрупкую женщину – в гневе. Вывести ее из себя было довольно сложно, но если кому-то это удавалось, то он об этом непременно быстро начинал сожалеть. Бланке вот с легкостью удавалось. В редком гневе мама могла навести страху даже на старейшин клана. Но вообще, они с мамой были очень похожи, особенно деятельным характером, как бы мама не ворчала на младшую дочь за ее проделки, а даже она признавала, что от отца Бланке достался только цвет глаз.

– Вот уж точно! Бланка это теперь надолго запомнит, – мы заговорщицки хмыкнули, шумно отхлебывая горячий чай.

Внезапно я вспомнила, что и мне влетит не меньше, чем Бланке, если я еще задержусь. Быстро затолкала в рот еще пару ложек варенья и засобиралась домой.

– Мне пора, Вал, спасибо, – уже почти в дверях поблагодарила я, накидывая набегу плащ.

– Мирра, подожди, я тут кое-что для тебя сделал же и совсем забыл! Дырявая моя голова! – бормотал Вал, доставая что-то обернутое в мешковину из сундука. Я нетерпеливо переми-

налась с ноги на ногу, но в конце концов решила задержаться, не хотелось его обижать. Да и что скрывать – было жутко любопытно.

Вал протянул мне сверток, который оказался на удивление легким, несмотря на то, что вещь выглядела не маленькой. Я аккуратно положила его на колени и стала разворачивать, откидывая одну за другой полы ткани. Оставалось снять еще кусок материи, но я уже начала догадываться, что там внутри. Бросила удивленный взгляд на Вала, но он лишь ободряюще мне кивнул, чтобы я продолжила. На секунду мои пальцы замерли в нерешительности. Неужели это мне? Прикоснулась самыми кончиками к своему подарку и вздох восхищения вырвался из груди.

Изящный, гладкий из легкого, но крепкого тиса, с узорами по торцам и упругой тетивой. На коленях у меня лежал лук. Мой собственный лук! Я бережно взяла его в руки, как будто могла испортить своими неловкими движениями.

– Вал это же... Какой красивый, – только и вымолвила я, не в силах оторвать от него глаз.

Вал улыбался довольной и немного гордой улыбкой с сеточкой морщин вокруг глаз.

– Рад, что тебе понравилось. Я помню, что ты не любишь мечи и клинки, но лук пусть будет при тебе всегда. Не чтобы навредить, но чтобы защититься и защитить в случае необходимости.

– Спасибо, спасибо огромное, Вал! Ты его сделал специально для меня?

– А для кого же еще?! Кто еще в свои восемь зим так метко стрелял, словно родился с луком в руках? – спросил он.

И это было правдой. Это было единственное в чем я была хороша и чем могла гордиться. Прицеливалась меньше мгновения и всегда была в цель.

– Я и стрел тебе изготовил впрок.

Только после его слов я с силой отвела взгляд от лука и увидела кожаный колчан, что остался у меня на коленях. Толстая кожа с тиснением, аккуратно обшитая по краю суровыми нитками, широкая перевязь, чтобы было удобно носить его за спиной и около пятнадцати стрел с иссиня-черными блестящими перьями. Колчан не уступал по красоте луку и я просто не находила слов. Порывисто обняла Вала, отчего он смутился. Такого подарка у меня еще не было и вряд ли будет, – подумала я.

– Ну, полно тебе, Мирра, полно Что смущаешь старика! Примерь-ка колчан, сразу затянем его по тебе.

Я надела его поверх легкого шерстяного плаща подбитого мехом, он идеально лег между лопаток и совсем не чувствовался. Даже не пришлось ничего подгонять.

Домой я, кажется, летела, а не шла. Даже грядущий нагоняй от мамы больше не страшил меня, хотя мне было стыдно, ведь ей скорее всего пришлось сделать эту работу за меня. Я даже почти забыла про свое пугающее видение. Главное, что я успела, остальное не важно, счастливо улыбалась я своим мыслям.

Я на всякий случай по пути проверила дровник. Сетки для переноса поленьев ожидаемо там не оказалось. Но я все равно набрала побольше дров в охапку, чтобы хоть как-то загладить свою вину.

Мама встретила меня таким недовольным взглядом, что я невольно поежилась, но она не спешила ругаться, выжидая моих объяснений. Если от отца мне достались черные как смоль волосы, то от мамы серые штормовые глаза, только в отличие от нее, я не умела так выразительно смотреть, что слова становились лишними.

– Мам, прости, Валу нужна была помощь, – забормотала я, пока несла дрова к печи. Румянец на щеках с мороза немного скрывал мой стыд, что пришлось врать Йоре, но и правды сказать я ей не решалась. Я вообще никому не рассказывала о своих видениях. Ни одной живой душе.

Сначала, когда я была совсем маленькой, я смекнула, что это дает мне преимущество. Я знала наперед то, что другим неизвестно. Это было моей забавой, видеть как исполняется в реальности видение. Но потом я поняла, что никогда не слышала, чтобы с кем-то из клана случилось что-то похожее. Никто об этом никогда не говорил и не хвастал. И я всерьез испугалась. А вдруг это что-то плохое – видеть будущее? Вдруг я больная головой или проклята?

Так я рассудила уже позже и с тех пор хранила свою тайну ото всех. Даже от Бруна. А ведь он мой единственный близкий друг.

– Но ты только посмотри, что он для меня сделал, – переводя тему, я стянула с себя лук и колчан, чтобы маме было лучше видно.

– Мирра, это, конечно, очень похвально, что ты помогаешь другим, но впредь не забывай хотя бы поставить меня в известность! – кажется мое искреннее раскаяние на лице, немного охладило ее гнев и она добавила уже мягче. – Ну хорошо, дай-ка его поближе рассмотреть. Ох, какой красивый, Мирра!

Тут же подскочила Бланка и тоже старалась разглядеть мой подарок поближе и даже утянуть незаметно колчан, чтобы как следует его пощупать.

– А дашь мне пустить стрелу, Мирра? Ну, пожалуйста! А мне он может такой же сделать? А? Я тоже хочу! – Бланка это просто шквальный ветер в нашем доме, мама всегда про нее так говорит. Что у нее просто пчелиное жало в одном месте. Но мне кажется, что их там как минимум дюжина!

– Ты же еще стрелять даже не умеешь, зачем тебе лук? – удивилась мама, ероша ее светлые волосы.

– Чтобы все боялись, а то обзывают меня мелкой и не считаются со мной! – Собрав брови на переносице возразила сестра. Это она, конечно, перегнула палку. Мы с мамой понимающе переглянулись.

– Ты и так дубасишь мальчишек во время игр, что они тебя скоро сторониться начнут! – пожурила младшую дочь Йора.

Это отчасти правда, хотя «отчасти» – это еще слишком мягко. Бланка – гроза мальчишек всей Долины. Вал обычно про нее говорит, что у нее просто повышенное чувство справедливости, а справедливым быть сложнее, чем добрым. Но мне кажется, что он приукрашивает, потому что несмотря на ее несносный характер, все в ней души не чают.

Бланке скоро семь. У нее длинные соломенные волосы, которые мама заплетает в две косы над ушами, и широко распахнутые голубые глаза, которые умеют принимать такое невинное выражение, что сложно поверить, что она может не моргнув глазом наставить синяков любому обидчику. В общем, это настоящая оса в обличии милой бабочки, но от этого я, кажется, люблю ее только больше.

А через два дня, когда мы с мамой толкли сочные ягоды клюквы для компота, в дом вошел отец. Плечи опущены, глаза как будто остекленели. Я замерла, почуяв неладное. Даже воздух в доме казалось в миг похолодел, как и все у меня внутри. Мысленно я уже просила, чтобы отец не произносил ни слова, чтобы молчал. Ведь пока горестные вести не обрели голос, можно сделать вид, что ничего не случилось.

– Гинтар? – осторожно начала мама. – Что случилось? – Вал... Он...

Нет! Нет! Нет! – мысленно закричала я, – не продолжай! Прошу тебя! Но отец не слышал моих немых просьб и, как топором, одной фразой разрубил что-то у меня внутри.

– Его больше нет. Вала больше нет.

Мама начала оседать на скамью у стола, отец на негнущихся ногах бросился ее поддерживать. А я таращилась в одну точку, не желая воспринимать эти слова. Я ведь все сделала, чтобы спасти его. Все сделала! Он не должен был умереть!

– Как это произошло? – шепотом произнесла мама, но этот шепот разнесся барабанным стуком.

Я уже не могла разглядеть ни ее ни отца из-за пелены слез. И ничего не хотела больше слышать. Это не могло быть правдой! Выбежала на улицу как была в юбке и шерстяной тунике и понеслась к дому Вала, чтобы увидеть его, как всегда выходящего на крыльцо. Он обычно так и делал, выходил нас встречать, приметив в окне еще издали.

Я срезала все углы и игнорировала расчищенные дорожки, утопая в глубоких сугробах, как в безнадежности своих надежд. Кто-то схватил меня сзади, развернул и крепко прижал к себе. А я продолжала биться птицей. Сквозь слезы до меня пробился голос Бруна.

– Мирра, стой, – шептал он мне на ухо. Его голос тоже надломлен от боли. – Тебе не нужно туда ходить. Мирра, тебе не нужно...

Я продолжала молотить руками грудь друга и что-то кричать. Что это неправда, что я спасу его. Но силы постепенно оставляли меня и понимание необратимости случившегося уносило в темную бездну отчаяния. Я потеряла сознание.

Бланка потом сказала, что я провалялась в бреду три дня. Очнулась на своей постели дома. В ногах свернувшись калачиком спала сестра, а мама сидела рядом и гладила меня по голове. Глубокие тени, что залегли под ее глазами, говорили, что она провела без сна не одни сутки, но все же она улыбнулась, когда я открыла глаза.

– Дочка, милая! Ох, спасибо Праматери, ты очнулась! – мамина рука такая нежная и мягкая, что я снова прикрыла веки, чтобы раствориться в этом чувстве защищенности еще на пару мгновений. Но обрывки последних воспоминаний безжалостно вытеснили все в моей голове, снова наполняя рот горечью. Никого я не спасла. Я просто отсрочила неизбежное. Никчемная Мирра!

– Мы так волновались за тебя, – отец встал с резного кресла, а я с тоской отметила, что это кресло тоже из-под рук Вала. Отец заказал его в подарок для мамы пару лет назад, чтобы ей было удобно сидеть у очага, занятой вязанием. От наших разговоров встрепелась сестра и с криками кинулась мне на шею, чуть не душа в объятиях, а затем спрыгнула и бросилась к дверям.

– Пойду скажу Бруну, что ты очнулась! – уже выбегая на улицу сообщила она.

Я попыталась ее окликнуть, остановить, но тело от долгого лежания перестало меня слушаться и голос осип. Мама только махнула ей вслед.

– Пусть бежит. Брун и правда места себе не находил, как принес тебя без сознания. Не отходил ни на шаг. Пришлось Шиппу волоком его утащить домой, а не то и спать бы остался тут же на коврик у твоей кровати, – с улыбкой рассказала Йора.

Я представила, как выволакивали из дома упирающего Бруна, и тоже улыбнулась. Уж я то знала, каким настырным он мог быть порой. Возможно, так проявлялись черты его тотема. Что бы там ни говорили, но мне казалось, что со временем человек перенимал некоторые повадки своего зверя. У кого-то сходства были более явные, у кого-то, как легкие тени. Хотя как я могла рассуждать об этом, если меня дар Источника обошел стороной?

Незаданные вопросы повисли в воздухе, но я решила не расстраивать и без того переволновавшихся из-за меня родителей и попросила просто принести мне гребень и зеркало, чтобы причесать растрепанные волосы, перед приходом друга. Отец с плохо скрываемой тревогой посмотрел на маму, но она решительно встала и подала мне свое небольшое зеркальце.

– Мирра, ты только не расстраивайся, – начал тихо отец.

Что я в нем должна увидеть, раз мой отец так взволнован?

А я видела в маленьком отражении свое привычно бледное лицо с может чуть более впалыми щеками и обычными серыми глазами, и не понимала, о чем он говорит. Но потом немного отодвинула зеркало дальше и заметила толстую, слегка вьющуюся прядь седых волос над правым виском. Я провела по ней рукой. Среди черных как вороньи перья волос, эта прядь была похожа на густой, стелющийся туман над рекой, убегаящей вдаль.

– Как? – спросила я, касаясь ее рукой.

– Гуди говорит, что это последствия пережитого горя. Прядь появилась в первую ночь, пока ты спала.

Первым моим порывом было убрать прядь за ухо, спрятав под волосами. Так будет меньше заметно. Но видя печаль на лицах родителей, я только выдавила для них ободряющую улыбку, будто ничего особого не произошло и резко поднялась с постели. Хватит валяться! И, кажется, даже услышала тихий вздох облегчения. Наверное, отца. Да и на самом деле, разве одна серебряная прядь может сравниться в той болью, что им уже пришлось пережить, подумала я, стоя на нетвердых ногах.

Знала бы я тогда, что эта прядь совсем не следствие горя, а мое личное предупреждение.

А тот день ознаменовал, что мое детство навсегда закончилось.

Позже я узнала, как именно умер Вал. Дома по прежнему при мне об этом молчали, но когда становишься своей бестелесной тенью, то невольно можешь слышать больше, чем следовало. Помню, как закусила до боли кулак, чтобы не взвыть в голос, пока ужасные подробности долетали до меня и прожигали дыры на коже. Лучше бы я не вмешивалась, тогда его страдания были бы мимолетными.

Я вынырнула из этого воспоминания, что вязкой паутиной тоски окутало меня и сразу окунулась в другое.

Смерть Вала было последним видением, что я себе позволила по глупости увидеть.

Следующее настигло меня вскоре дома. Вернее попыталось.

Я помогала маме готовить ужин. Она отлучилась в кладовую за специями для жаркого. На огне тихонько булькал мясной бульон, а я уже почти дорезала овощи. Оставалось только все это соединить вместе и потомить на огне. Как раз все успеет приготовиться к возвращению отца, подумала я, как снизу вверх по позвоночнику прошла такая знакомая волна мурашек, всегда предвещающая видение. Судорожный вздох. Горло перехватило тисками, а перед глазами поплыли сначала размытые картинки. Мгновение и они обретут четкость и я в них увижу кого-то дорогого и близкого. Я оцепенела от паники. Но рука уже была занесена для очередного движения, чтобы нашинковать мелко капусту. Нож дрогнул и вместо кочана прошелся острым лезвием по указательному пальцу. Это мгновенно привело меня в чувство. Морок видения спал. Я даже не вскрикнула, так была потрясена. Только мама, когда вернулась, спросила, как я себя чувствую. Ей показалось, что я побледнела. С момента моего срыва и обморока, я часто ловила на себе ее встревоженные взгляды, когда она думала, что я не вижу. Она беспокоилась, а мне не нравилось ее расстраивать.

– Просто порезалась, – подняла, показывая палец с тонкой струйкой крови. – Ничего страшного, сейчас перевяжу.

Пока заматывала палец тряпицей, лихорадочно обдумывала то, что произошло несколько минут назад.

Боль.

Боль короткой яркой вспышкой прогнала видение. Вот так просто? Значит я могу с этим бороться. И буду! Обязательно буду! Не хочу всю жизнь быть заложницей этого проклятия. Только не это! Я подышала успокаиваясь. И уже знала, что мне делать дальше.

На следующий же день я пошла в кузницу к Рэму. Высокий и широкоплечий, как скала, кузнец с тотемом зубра спокойно выслушал мою странную просьбу, но лишних вопросов задавать не стал. За что я была ему невероятно благодарна. Просто сказал придти через два дня. Их я провела в нетерпении, словно сидя на раскаленных углях. Пару раз я возвращалась к видению, что прервалось порезом, но была рада, что никогда не узнаю, что в нем было сокрыто. С меня достаточно.

– Я выполнил твою просьбу, Мирра, – протянул мне холщовый мешочек Рэм, когда я спозаранку третьего дня прибежала в кузницу, где уже кипела работа. – Примерь сразу, если не подойдет, я переделаю.

Я вытряхнула на ладонь содержимое мешочка и полюбовалась на тонкое черное кольцо. Простое, ничем не примечательное, немного даже грубоватое, но красота тут совсем не важна. Важен только небольшой выступающий шип, заточенный, как жало шершня. Мое спасение!

Примерила. Оно идеально село на средний палец, мягко поигрывая при свете солнца.

– Спасибо, Рэм, оно прекрасно! – Кузнец довольно улыбнулся, а я поторопилась расплатиться и уйти, пока он все-таки не стал меня расспрашивать о том, зачем мне понадобилась эта вещь. Платы он брать не хотел, но у меня была заработанная монета с прошлогодней ярмарки и я с радостью оставила её на наковальне.

Вместо дома я отправилась в противоположную сторону. Оказавшись у кромки леса, я опустила на упавшее дерево и перевернула кольцо острием внутрь. Слегка сжала кулак. Шип впился мне в ладонь и легкая боль прокатилась освежающей волной. На коже остался едва заметный след.

То, что нужно. Когда видения снова захотят залезть мне в голову, нужно просто сжать покрепче кулак и боль сделает свое дело. Я больше не буду видеть того, что случится. Это мысль меня окрылила.

Возможно, кто-то бы возжелал мой дар. Кто-то бы счел его силой. Но мне он был не нужен. Я не хотела однажды видеть то, что случится с моими близкими. Знать, что потеряю кого-то из них, но смогу только бессильно стоять в стороне и наблюдать. Потому что теперь я знала, что за любое вмешательство придется платить. И платить дорогую цену.

На это я была не согласна.

После разговора с Бруном про поездку в Варгард, я решила выяснить, что об этом думают родители.

Как я и предполагала, у отца были другие намерения. Он готовился в этом году отправиться с мужчинами на большую охоту, чтобы заготовить оленьего мяса для всего клана, пока не выпало слишком много снега, да и олени еще не обзавелись детенышами.

Каждый год примерно в одно и тоже время, до глубокого снега, стада перебираются с севера через перевал немного южнее, чтобы пережить зиму и родить свое потомство – там у них больше шансов добыть пропитание. В это время они проходят всего в четырех-пяти днях пути от Долины. В этом году снег лег на горы раньше обычного и старая Ика сказала, что олени не будут ждать и скоро отправятся к месту зимовки. Поэтому сезон большой охоты начнется раньше. По традиции охотники уходит на добычу мяса на несколько недель, чтобы выследить, добыть, освежевать и принести все в Долину.

Жизнь в Долине размеренная и понятная. Мы всегда точно знали, в какой сезон чем следует заниматься. Летом – собирать ягоды, сушить травы, коренья и грибы. Осенью – готовить луки и стрелы, чинить сани, утеплять жилища, прясть шерсть и шить теплую одежду. Зимой – добывать мясо и шкуры. Весной главная задача – сберегать последние силы, чтобы дожидаться прихода лета и начать все заново. Все своим чередом, никакой спешки или суеты. Так из года в год. И ничто не могло нарушить ход этих вещей, установленных самой Праматерью, поделившей круг года словно пирог на сезоны.

Меня и Бланку родители все-таки отпустили на праздник Самой Длинной. Хотя мама наотрез отказалась ехать с нами. Молодая Крита ожидала первого ребенка и очень переживала, что несмотря на возраст, здоровье ее было слабым и мама обещала ей быть рядом и помочь

появиться малышу на свет. Поэтому сестру поручили полностью под мою опеку. Что ж, путешествие обещало быть интересным.

Бланка как узнала, что можно поехать, так с тех пор дом стоял на ушах. Только и разговоров, что о предстоящем путешествии. Как будто в ней разыгралась давно спящая кровь кочевников. Но это была ее первая дальняя поездка и ее можно было понять. Родители, кажется, успели уже сотню раз в тайне пожалеть о своем решении. Пережить день или два её слез и обид было бы легче, чем справиться с её неумным энтузиазмом. Целыми днями ее мысли были заняты поездкой, она бесконечное множество раз просила описать Варгард, как выглядят его улочки и жители, хотя знала эти истории наизусть.

Глава 2

В путь мы отправились с семьей Бруна, которая кроме него состояла из его отца и младшего брата Грана. Жена Шиппа – Илая, умерла сразу после рождения Грана и он еле пережил уход любимой. Несколько недель он пропадал в лесу в обличии тотема, но любовь к своим детям взяла вверх над горем и он вернулся. Истощенный, израненный, но вернулся.

Как-то отец обмолвился, что всерьез тогда переживал, а не предпочтет ли Шипп остаться рысью и уйти навсегда в горы, ведь облик зверя притупляет человеческие страдания и дает такое сладкое забытие. Конечно, о Бруне и Гране тогда бы позаботился клан. Они бы выросли не обделенные любовью и заботой, но с родным отцом все же как-то лучше, тем более с таким, который на все старался смотреть с легкой иронией, хотя он и растерял часть своей живости, после ухода жены. Брун на него похож, а вот Гран, мама говорит, унаследовал больше от Илаи. Вообще, внешне они очень похожи, только у Грана в отличие от брата короткие, еле прикрывающие уши, но густые каштановые волосы. Их видимо и имеют в виду, говоря, что младший пошел в мать. Ну и еще более рассудительный характер.

Конечно, нас не могли отпустить просто беспечно веселиться на празднике. Нам надавали кучу заданий и поручений, которые нужно будет непременно выполнить. А еще Гуди снарядила нам целый ящик мазей и снадобий собственного приготовления, чтобы мы ими поторговали на ярмарке. Она каждое лето и осень заготавливает травы, как безумная, что я иногда пугаюсь ее рвения. Особенно, когда она еще и разговаривать начинает со своими пучками и скрутками или напевать им, пока перетирает в порошок. Но на самом деле она просто любит свое дело, от того и поет ее сердце. Вот так, не зная меры у нее обычно к началу холодов образуются огромные запасы скляночек, что хватило бы на десять зим вперед. И нам теперь предстояло взять излишек на ярмарку. Мы выручим немного денег для клана, а люди получают лучшие во всем Севере лекарства.

Кроме нас в столицу отправилось еще пять семей. Мы выехали с рассветом, чтобы почаще делать привалы и давать лошадям отдыхать. Мама проводила нас, снарядив теплыми меховыми одеялами и едой. Обняла по очереди на прощание и велела мне не спускать глаз с Бланки и Грана. За него мама всегда волновалась, как за сына, да и любила не меньше, поэтому и я на него смотрела, как на младшего брата.

Путь до Варгарда занимает пять дней на лошадях запряженных санями или девять пеших. Мы всегда за пределами Долины передвигаемся только в обличии людей, соблюдаем дополнительную осторожность, чтобы не привлекать излишнего внимания. Если все пойдет по плану, то мы доберемся до столицы как раз в день празднования. Но сначала нам нужно преодолеть длинное узкое ущелье, такое узкое, что с трудом проходила телега или сани, но зато оно защищало деревню от ветров и посторонних глаз. Если смотреть на наши высокие холмы, их еще называют Ломаными, издали, то невозможно догадаться, что там есть проход. Потом нужно перейти небольшой перевал и дальше все время дорога пойдет через хвойный лес, который изредка будет сменяться небольшими открытыми участками. Хотя и дороги-то там как таковой не было. От Долины до ближайшего поселения было почти девять лиг.

Погода стояла морозная и полозья легко скользили по хрустящему снегу. Для поездки Шипп соорудил на санях деревянные дуги, так что в непогоду можно было натянуть полотно из шкур, чтобы защититься от ветра и метели. Правил лошадей в основном тоже он, но иногда Брун сменял его, а я подсаживалась рядом и было так хорошо просто молчать, сидя плечом к плечу, и смотреть по сторонам, как меняется вокруг пейзаж. Бруна никогда не тяготила тишина, как и меня, мы знали ей цену.

Чего не скажешь о наших младших. Те уж вечно дурачились или препирались, то вообще устраивали снежные баталии, так что и нам периодически прилетало по снаряду то в лоб, то в

затылок. Мы пытались делать строгие лица старших и более ответственных людей, но надолго нас тоже не хватало и мы все подключались к их игре и первым сдавался обычно Шипп. А иногда уже в сумерках Бланка и Гран убегали в лес и возвращались оттуда с глазами полными счастья. Я знала, что они оборачивались и резвились в обличии своих тотемов. Я как наяву видела их – рыжая лисица с черным хвостом и заяц со светло-серой шерстью бегают по пушистому снегу под луной. Играют, видя и ощущая этот мир своей звериной сущностью совсем по другому. Я сотни раз просила их не прятаться от меня, убеждала, что мне все равно. Но видимо что-то на дне моих глаз говорило об обратном и они продолжали сбегать. Брун в такие моменты всегда садился ближе ко мне, накидывал теплое покрывало на плечи и делил со мной горячий отвар из трав. Он все понимал без слов.

В один из вечеров, когда все укладывались на ночлег, я стояла поодаль, глядя на мирные перемигивания звезд, и поймала себя на мысли, что кажется впервые почувствовала себя... почти целой. Не раздробленной и кое-как собранной из кусочков, а целой. Я осмотрелась вокруг, но не нашла ничего, чтобы могло вызвать такие чувства. Разве, что дорога, что петляла впереди. Я много раз собиралась покинуть Долину, знала, что мне надо уйти из клана, чтобы он вновь зажил той жизнью, что была раньше. Чтобы перестать быть немим укором для его жителей в их счастье. Но я боялась. Только от мысли остаться одной в груди все сжималось. Я и так-то ничто, пустышка, а без близких людей перестану быть даже воспоминанием. Хотя, может оно и к лучшему? Я замотала головой, стряхивая с себя наваждение. Брун никогда не покинет семью и свою землю, а я не вижу своей жизни вдали от него, так что кроме страха меня держало еще и это.

Пять дней в пути пролетели незаметно, я чувствовала себя так беззаботно и легко. Не хотелось думать, что это оттого, что я вдали от Долины. Но вот впереди показался город и Бланка завизжала от восторга, так что я чуть не свалилась с саней от неожиданности. Хотя сестру можно было понять: впервые этот вид меня тоже поразил.

Варгард – самый большой город Севера, его столица. Основная его часть стояла на равнинной местности, а венчал её дворец короля, стоящий на единственном возвышении. Сложенный из редкого светло-серого камня, с четырьмя высокими башнями и острыми крышами, он был прекрасен. Если смотреть на замок издали, то создавалось впечатление, что он как будто парит над остальной частью.

Сам же город отстроен из темного камня, что добывали у берегов Теплогорья. Узкие улочки, похожие одна на другую, петляли в беспорядке, что совсем неудивительно для городов, которые хаотично строились не одну сотню лет. Здания стояли вплотную, с выходом на проходную улицу. Почти у всех домов был крохотный надел земли позади – пятнадцать шагов вдоль, пятнадцать поперек, на котором обычно располагалась небольшая подсобная постройка, огородик на несколько грядок или загон, где держали козу или кур. Камнем вымощены всего несколько главных дорог, которые вели либо к рыночной площади, либо ко дворцу. Остальные дороги земляные, которые по весне развозило так, что болотные топи могли показаться тропой, устланной лепестками благоухающих роз. Но сейчас зима и мерзлая земля лишь немного с хрустом прогибалась под колесами повозок и полозьями саней.

Город поделен на ярусы, которые словно кольца опоясывали дворец. И чем ближе дома находились к королевскому замку, тем более зажиточно жила семья или имела более высокий титул. Такое разделение мне никогда не было понятно. Природа не зря создала нас равными и одинаковыми, а тут люди только и искали повод, чем бы показать свое превосходство. При этом они совсем не умели принимать тех, кто хоть немного отличался от них. По этой же причине нам приходилось скрывать существование Источника.

Мы вошли в город через главные ворота, по такому случаю они были открыты для всех желающих, но у входа нас встретила городская стража. Охрана в синих плащах осматривала повозки и забирала в хранилище оружие, если таковое имелось. Мой лук тоже пришлось сдать.

Видя, как на него навешивают кожаную бирку и такую же отдают мне, а затем уносят в темные недра склада, напоминающие мне пасть оскалившегося животного, я ругала себя на чем свет стоит. И зачем я только его взяла с собой, не на охоту ведь собиралась? Думала придется от дорожных разбойников защищаться или хотела покрасоваться? Скорее второе. Если только с ним что-то случится, не прощу себе свою же глупость. Это же подарок Вала и самое ценное, что у меня есть. Хорошо хоть колчан мне оставили, решив что без лука он бесполезен. Так мне стало чуточку спокойнее.

К воротам мы с теми, кто тоже отправился из клана на праздник, подошли одновременно, но за высокими каменными стенами разделились. Кто-то пошел на постоянный двор, кто-то к друзьям или родственникам, которые жили в городе. Мы с Бланкой, Бруном, Граном и Шипом направились в западную его часть – район ремесленников, там жили Тауна и Идун. Тауна – девушка из нашего клана и племянница Шиппа. Несколько весен назад во время осенней торговой недели в городе, она встретила Идуна, местного кузнеца и рассудительного парня с добрым сердцем. Не прошло много времени, как всем стало понятно, что эти двое крепко полюбили друг друга. Старейшины приняли его в Долине и пара поженилась по обряду клана, но жить они все равно решили в городе, где у Идуна своя кузница и престарелые родители, о которых нужно заботиться. Ему известно про Источник, но от его дара он отказался. Сказал, что в его жизни есть все для счастья, а с появлением Тауны с лихвой больше. Я тогда так на него злилась и завидовала – как он мог добровольно отказаться от тотема, когда я бы все на свете отдала за этот дар? Хотя я уже давно знала, что жизнь не так справедлива, как нам внушали с детства.

Да, клан иногда принимал пришлых и делился тайной Источника, но для этого нужно пройти обряд крови и дать священную клятву, что тайна будет сохранена. Только так нам удавалось защищать Источник столько лет.

Пока мы добирались до дома Тауны и Идуна, я не переставала разглядывать дома по обеим сторонам улицы, беспрестанно вертя головой, отчего моя шея начала нещадно болеть еще на половине пути. Хотя разглядывала я не сами дома, они были довольно однообразны и не примечательны, а вот деревянные двери приковывали взгляд. По традиции Севера их украшали узорами из переплетения множества линий, которые вились будто клубок змей одна на другой, прорисовываются изображения лесных зверей и растений. Все разные, замысловатые как живые.

Эта традиция украшать двери сохранилась еще с давних пор. Этим люди хотели показать, что они часть природы, а дом – продолжение леса. Сейчас связь с первозданным почти потеряна, но красивый обычай остался. Вот дверь с изображением куницы, дальше орел с расправленными крыльями, за ней цветы горечавки, что словно покачивали свои ультрамариновые головы на ветру, а дальше – лисица с богатым хвостом. Загляденье! Надо признать, что-то, а резчики в Варгарде прекрасно знали свое ремесло.

Мы дошли до красивых дверей, в узоре которых отчетливо проглядывал еж. Идун смастерил их сразу после свадьбы. Все потому, что тотем Тауны – еж. Это было удивительно, ведь мне иногда казалось, что иголки ежа как раз то, чего ей не хватало в повседневной жизни. Человека с более мягким и терпеливым характером трудно себе представить.

Прямо с порога нас встречали Ман и Уна, дети Тауны и Идуна. Ман старший, ему шесть весен, у него прямые соломенные волосы, закрывающие уши и большие вечно удивленные глаза, он как старший брат более серьезный и молчаливый. Уне четыре, у нее мамыны темные кудряшки и слегка вздёрнутый носик. Ну и поболтать она любила со всеми, кто соглашается слушать, а таких всегда находилось не мало, ведь она просто очаровашка.

– Мама, Милла и Бланка уже плехали! – не выговаривая «р» громко оповестила всех Уна. – Я так ждала, так ждала, что думала уже помлу быстрее, чем дождуся вас. Что же вы так долго?!

Девчушка быстро повисла на Бланке, рассматривая ее костяные браслеты на запястьях и рассказывая, как они снова не поделили с Маном игрушку.

– Уна, дай гостям хоть раздеться, они устали с дороги, – Тауна подхватила на руки дочь, давая возможность Бланке скинуть плащ. – Я так рада вас видеть! Как вы добрались? Без происшествий?

– Да, слава Праматери, погода нам благоволила, – ответил Шипп, обнимая племянницу. – Обошлось без метелей. Кажется, в этом году на празднование съехался весь Север. Город просто трещит по швам.

– Да, в муравейнике и там просторнее, – заметил Брун, вешая одежду на крюк у двери.

– Так и есть. Мы сами хоть и жители города, но пока не можем привыкнуть к такому наплыву людей. Всю последнюю неделю к нам прибывают гости со всех уголков королевства. Король Атли в этом году решил созвать большую ярмарку, какой еще до него не видывали. Любит он, чтобы его имя гремело на весь Север, вот и расстарался. Торговцы и простой народ потянулись со всех уголков. Хорошее время, чтобы поторговать, пополнить запасы, да и повеселиться тоже, – рассказывала Тауна между делом. – Садитесь за стол, обед уже готов.

Пока все рассаживались и наливали себе горячий брусничный морс со специями, а Тауна растревляла тарелки с тушеными овощами и мясом, я оглядывала их уютный дом, где была последний раз еще прошлой весной. Мы с отцом тогда приезжали пополнить запасы соли, специй и тканей для клана.

Дом у Тауны и Идуна просторный и уютный. У хорошего кузнеца всегда полно работы, а значит и платят ему как подобает. Кухня с высоким потолком, а на стенах множеством полок на кованых подпорках, уставленных разнообразной утварью: глиняные кувшины, чашки, деревянные тарелки и плошки. Рядом висят связки трав и лука, на полу корзины с овощами. В центре комнаты стоит гладкий прямоугольный стол с крепкими лавками. В каменном очаге огонь жадно пожирал дрова, отдавая тепло. От его жара мои щеки с мороза начало покалывать из-за резкой смены температуры. Рядом с очагом стояли два больших и два поменьше резных кресла, на которые накинута шерстяная покрывала – вечерами тут устраивают посиделки всей семьей за чтением сказок и разговорами. В глубине дома за занавесками две комнаты: одна для частых гостей, вторая спальня Тауны и Идуна, а над ними вторым ярусом под самой крышей спальное место Мана и Уны, к которому вела широкая лесенка вдоль стены. Большой соломенный матрас застелен покрывалом, рядом полочка с несколькими сшитыми и деревянными игрушками, а в треугольнике стены под крышей круглое окошко с льняной занавеской.

Сейчас весь дом украшен ветками падуба, туи и ели к празднованию Самой Длинной Ночи.

– Идун еще в кузнице, но уже скоро вернется. Вы пока отдыхайте, я закончу готовить угощение для праздника и мы отправимся к площади. На девятый удар колокола разожгут большой костер, – сообщила о планах хозяйка дома.

– А какое угощение ты готовишь, Тауна? – с невинным видом поинтересовался Гран, главный любитель стряпни. – Смородиновое печенье.

– А мы привезли пряники, целую корзину! – похвастала Бланка.

Приносить угощение к празднику Самой Длинной – это еще одна добрая традиция. Каждая семья готовила сладости, выпечку или ягодный джем, чтобы поделиться ими друг с другом в эту ночь. Все это выставлялось на большие праздничные столы на площади и все желающие могли отведать понравившееся угощение.

Разделить еду с ближним – это еще один способ разогнать сегодня тьму.

– Ты сама испекла?! – удивился Гран.

– Да! – Бланку распирало от гордости. Но увидев мою вопросительно поднятую бровь она тут же осеклась и неохотно добавила. – Ну, почти сама... С Миррой.

– Мирра, покажи мне вашу корзину, чтобы я ненароком не схватил ее стряпню. – Гран шептал мне на ухо так громко, что всем стало понятно для чьих ушей это предназначено. – Мало она мальчишек калечит, так еще небось решила их потравить.

Все дружно рассмеялись, только ноздри Бланки гневно раздулись. Я была уверена, что Гран свое еще получит, хотя надо отдать ему должное, он был пока единственный достойный соперник моей сестры в словесных перепалках. Иногда это было похоже на виртуозное фехтование, где у противников вместо шпаг были слова.

– Гран, знай, я тебе спину прикрывать не буду, когда она придет по твою душу, – похлопывая брата по плечу, предупредил его Брун.

– Тоже мне брат называется, – буркнул в ответ Гран.

Дальше все переключились на последние новости в городе и приготовления. Я помогала Тауне прибраться после обеда, пока Бланка возилась с Маном и Уной. День незаметно клонился к закату и мы начали готовиться к выходу на празднование. Из кузницы вернулся Идун, появляясь в проеме. Ему приходилось наклоняться, чтобы не ушибить голову. Высокий и широкоплечий, с пшеничного цвета прямыми волосами, высоким лбом и добрыми карими глазами кузнец сразу заполнил собой полкомнаты.

– Ты дома! Мы тебя заждались, – поприветствовала Тауна мужа, он в ответ легко поцеловал ее в макушку, невинное проявление привязанности.

Мы все немного в разной поздоровались с хозяином дома, мужчины подошли пожать друг другу руки, дружески хлопнуть по спине.

– Рад вас всех видеть в добром здравии! – пробасил Идун. – Редкие вы гости в наших краях. Как поживают Йора и Гинтар? Отец решил пропустить все веселье?

– Да, он отправился на промысел. Разведчики принесли вести о ранних переходах оленя, так что отец и остальные охотники вернутся не раньше, чем через три-четыре недели, – ответила я на его расспросы.

Закончив с едой, мы стали собираться на праздник. Бланка вызвалась уложить мне волосы, что растрепались в дороге. Меня обычно устраивало просто перехватить пару прядей на затылке, главное чтобы не лезли в глаза. Но сестра была категорически против, у нее имелись свои планы. Мама научила ее плести косы и теперь она только и искала на ком отточить свое мастерство. К слову, получалось у нее и правда неплохо. Весьма неплохо, для такой неумной егозы. Она заплела мне отдельно серебряную прядь в тонкую косичку, а затем вплела ее в высокую косу по всей длине. Ей так особенно нравилось. Она говорила, что это выделяло меня, делало особенной. Вслух я не возражала. Да и как объяснить, что быть особенной это то, чего я страшилась больше всего? Я чаще желала слиться с тенью, нежели выставлять себя на показ, в клане ко мне и так было повышенное внимание. Вместо этого я лишь поблагодарила ее широкой улыбкой, от которой заболели скулы.

Мы дожидались на улице Тауну, которая наставляла напоследок Мана и Уму. Они этот вечер проведут дома в компании соседки – милой улыбчивой старушки, живущей через дом. Им пока рано гулять на празднике Самой Длинной Ночи, да и родители будут заняты на ярмарке, чтобы приглядывать за такими сорванцами, поэтому было решено оставить их дома под надежным присмотром.

Шипп проводил взглядом отошедших вперед Бланку и Грана и обернулся к нам.

– Я буду с Тауной и Идуном торговать за их прилавком, народу нынче много и им понадобится помощь, – обратился он ко мне и Бруну. – Вас я от этой обязанности освобождаю, знаю, как хочется гулять, а не упаковывать склянки. Но вы не должны выпускать из виду эту парочку, – он многозначительно махнул в сторону Бланки и Грана, которые опять что-то не поделили. – Они впервые на таком праздновании, у них голова пойдет кругом от изобилия, которое предлагает город, и его сомнительных соблазнов! Так что ни на шаг от них не отходите! Вы все поняли?

Мы дружно закивали в знак согласия. Шипп переживал не напрасно, у них было еще очень мало контактов с людьми вне клана, так что они могли стать легкой добычей для любого пройдохи. А такие непременно здесь сегодня найдутся, все же такие праздники привлекали и любителей легкой наживы тоже.

Когда мы вышли из дома, на улице уже везде зажгли огни. Около каждой двери хозяйка поставили большую восковую свечу или тарелочку с жиром, в которую опущен горящий фитиль, чтобы все путники сегодняшней ночи смогли найти дорогу домой. В городе я ориентировалась плохо, мне в разы легче найти нужное направление в чащобе, чем здесь, поэтому я просто брела вслед за Тауной и ее семьей. Мы надели плащи и опустили на лица маски и незаметно для себя слились с размеренным неторопливым потоком, как и мы, шествующих к площади.

Кого здесь только не было! Маски на всех разные: из дерева, кожи, тряпичные. Обычно это образы животных, иногда олицетворение стихии, как на девушке, что проплыла мило в образе воды, реже нечисть. В клане все выбирали изображение своего тотема, это единственный случай, когда нам можно было показать свою сущность за пределами Долины, но так, чтобы никто не догадался. На Бланке была маска лисы, на Бруне – олень с небольшими ветвистыми рогами, Гран сам себе смастерил зайца. Выглядел он немного причудливо из-за получившихся разной длинны ушей, но мне очень нравилось.

У меня же на маске вырезаны переплетенные побеги плюща и ежевики, на большее моей фантазии не хватило. Конечно, можно было выбрать любое животное и сделать маску, никто бы меня не упрекнул. Но для меня это казалось сродни воровству. Прикинуться тем, кем я не являюсь. Нет уж!

Дорога заняла не более получаса, был на удивление теплый вечер и падал мягкий, как утиное перо, пушистый снег. Я пристально вглядывалась в пустоту беззвездного неба.

Мир вокруг притаился, как большой грозный зверь в чернично-угольной шкуре. Он пристально наблюдал сверху но в его планы пока не входило напасть. Он просто выжидал, дашь ли ты сегодня слабину, вздрогнешь ли. Если хоть мускул на твоём лице поведет от страха, то зверь оттолкнется мягким пружинистым толчком и придавит тебя к земле сильными лапами. У меня даже вырвался резкий выдох, словно я уже и так лежала на спине придавленная тяжелым звериным телом и чувала тяжелый смрадный запах его дыхания. Мотнула головой чтобы стряхнуть с себя наваждение. Да, Самая Длинная и правда не так проста. Я по привычке покрутила на пальце кольцо с шипом, это меня всегда немного успокаивало.

Гул взбудораженной толпы мы услышали сильно раньше, чем попали на главную площадь. Она огромна, неправильной прямоугольной формы. Со всех четырех сторон ее окружали каменные дома в два или три этажа, тесно стоящие бок о бок и вззирающие на прохожих своими глазищами-окнами. Кое-где стены опутаны узловатыми побегами плюща, но сейчас на них не было листвы и это походило на огромную свисающую паутину, особенно жутко выглядящую в свете отблесков факелов, коих здесь было множество. Деревьев нет совсем, да и где им тут выжить, среди мощеной камнем земли? По первому ярусу расположились лавочки местных подмастерье, харчевни и постоянные дворы. И над всем этим на северной стороне возвышается высокая башня с острым шпилем и круглыми часами, которые начали отбивать семь ударов.

Все значимые события города проходили здесь. От судов и жутких казней до веселых праздников. На западной стороне расположилась шумная ярмарка, пестреющая товарами со всего королевства.

Торговцы покрыли свои лотки и телеги грубой тканью, некоторые украсили прилавки ветками падубы и ели и вовсю зазывали к себе гостей. Тут можно было найти все, что пожелаешь и даже то, что не можешь себе вообразить. Теплую одежду расшитую по отворотам стеклянными бусинами, изящные украшения из серебра и бронзы, сладости и лучшие творения местных пекарей, глиняная посуда с шероховатыми боками, безупречно острые мечи, корот-

кие клинки и тугие луки, мягковыделанные шкуры, пестрые тканые ковры и скатерти, вяленые ягоды и орехи. Глаза разбегались от обилия всего, а голова шла кругом от вспышек цвета и фактур.

Мне стало немного завидно Бланке. Она с легкостью порхала по рядам, подходила к торговцам, заводила с ними беседы, расспрашивая о товаре. И так искренне всему удивлялась и восхищалась, что польщенные продавцы угощали ее сладостями и примеряли на нее меховые накидки или украшения на голову и их не расстраивало, что денег у нее на покупки не было. Она во всем выглядела очаровательно. Я же старалась нигде подолгу не задерживаться, что-то смущенно бормотала на предложения рассмотреть товар поближе и отходила. Что толку впустую болтать и отвлекать торговцев, если покупать я не собиралась.

Единственная лавка, у которой я остановилась надолго – с луками и стрелами. Торговец, он же и мастер, был немногословен, но его изделия говорили сами за себя. На столе лежали луки разных размеров. Небольшие, но с тугой тетивой для крупного зверя и близкой охоты. Тонкие и гибкие, такие пускают стрелы далеко и бесшумно – для добычи юрких зверьков и птиц. Но я любила свой лук и ни за что его не обменяла бы ни на один другой, поэтому рассматривала, восхищалась, но все неизменно возвращала на место. А вот стрел у меня осталось маловато, поэтому я достала свой кожаный кисет с монетами и купила восемь штук. У них очень необычное красивое оперение – из темно-коричневых перьев с рисунком в виде желтых кругов, я таких еще не встречала. Видимо их привезли из-за Теплого моря. Я заплатила и забрала свою покупку с сияющей улыбкой на губах.

Нагнав остальных, я увидела, что Тауна и Идун, пока пробирались к своему прилавку, за которым сейчас стоял помощник кузнеца, встретили своих знакомых на ярмарке. Семья торговала травами. У них на прилавке висели разнообразные пучки и коренья, в холщовых мешочках были представлены зоры сборки и чайные смеси.

– Знакомьтесь, это наши друзья из Ситли – Наина, Юрн и Ома, – представил Идун милую смуглую женщину, которой на вид было около сорока весен. Рядом с ней стояли по всей видимости ее сын и дочь. Высокий и худощавый парень лет четырнадцати, а значит одного возраста с Граном, и очень похожая на мать улыбчивая девушка, скорее всего моя ровесница.

Мы подняли маски, чтобы их поприветствовать.

– А это Шипп, Брун, Гран, Мирра и Бланка, – мы по очереди кивали, пока Тауна нас представляла новым знакомым.

– Рады вам! – за всех поприветствовал их Шипп.

Как мы узнали, семья из Ситли приехала еще вчера утром и уже второй день торговала на ярмарке. Они остановились на постоялом дворе на другом конце города. Ситли – небольшой городок в одном дне пути от Варгарда на юг. Он расположен на равнине, которая славилась не только своими хорошими урожаями на полях, но и пышным разнотравьем в летние месяцы, которые местные жители с лихвой заготавливали для лечебных и косметических целей. Некоторые растения настолько редки, что росли только там, за что особенно ценились по всему Северу и на ярмарках на них всегда большой спрос. Вот и вокруг прилавка Наины толпилось много народу.

– Мы сейчас собираемся отнести угощение на общий стол и пойти посмотреть представление. Вы хотите к нам присоединиться? – обратился к Юрну и Оме Брун.

– Мы бы с радостью, но торговля очень оживленная и нужно помогать маме, одна она не справится, – в голосе Омы почти не слышалась досада, но мимолетный взгляд в сторону площади говорил о том, что ей очень бы хотелось присоединиться. Но тут вмешалась Тауна.

– Наина, если ты не против, давай вашу телегу поставим поближе к нашему прилавку и я буду тебе помогать, а их мы пока отпустим повеселиться? – предложила она. Мы все с надеждой переглянулись. – Заодно немного посплетничаем и я поделюсь с тобой новым рецептом тыквенного пирога с клюквой.

– Нужно быть глупцом, чтобы отказаться от такой помощницы, – мягко улыбнулась наша новая знакомая после небольшого раздумья. – Думаю, тогда мы справимся. Но с площади ни ногой! – уже строже обратилась она к своим детям. Они дружно закивали в знак согласия, не веря своей удаче. Ома быстро сняла передник, передала его Тауне и достала из под прилавка свою маску. Это была лань.

Я украдкой разглядывала ее. Девушка была невысокого роста со слегка вьющимися каштановыми волосами. Часть прядей уложена в толстые косы вокруг головы, остальные свободно рассыпаны по плечам. На ней плотное шерстяное платье темно-голубого цвета, с оборками на груди и украшенное вышивкой по подолу. Сверху накинута бледно малиновый кафтан, что красиво оттеняет ее смуглую кожу и яркий румянец. Она очень красива, отметила я, но при этом не выглядела кичащейся своей внешностью. Наоборот, держалась она просто и приветливо, даже где-то застенчиво.

Мы пробирались сквозь шумную толпу в направлении главной сцены, там скоро должно начаться огненное представление. Громкоголосые зазывалы обещали, что это будет нечто грандиозное и доселе невиданное! И желающих убедиться в этом лично было предостаточно, у сцены было не протолкнуться.

Площадь похожа на огромный улей, который почему-то не заснул с приходом сумерек. Бланка, Гран и Юрн сразу нашли общий язык и что-то оживленно обсуждали. Мы с Бруном пыталась разговорить Ому, вернее Брун пытался, я же лишь вежливо улыбалась, с широко открытыми глазами рассматривая происходящее вокруг. Для меня это вообще сложно – начать запросто болтать с человеком, которого я вижу впервые в жизни. Но у моего друга язык подвешен так, что я не удивлюсь, если через четверть часа он будет знать про Ому все вплоть до детского прозвища ее троюродной бабушки. И не важно, что она раньше его вообще не помнила.

– Вы часто бываете в Варгарде? – спросил он Ому.

– На самом деле не очень, в основном ездим только осенью и иногда до середины зимы. С мамой приезжаем на местные ярмарки для торговли. В остальном навещаемся раз в пару месяцев пополнить запасы необходимых продуктов и закупить ткани. Зимой, когда сезон работы с травами закончен, мы с мамой шьем одежду. Вернее она шьет, а я пока больше на подхвате. Учусь у нее. А вы?

– От силы раз в год. Невероятная удача, что мы сейчас тут оказались. – Брун как-то странно посмотрел на Ому, что на секунду мне показалось, что я тут лишняя. – Обычно мы празднуем Самую Длинную Ночь в... своей деревне.

– А где она находится? Ваша деревня, – уточнила Ома.

Мы стараемся не распространяться о Долине. Никому. Вообще, никому.

– Мы живем не близко. На западе, – расплывчато пояснил Брун.

Мы называем весь наш континент Севером, но это верно лишь отчасти. Все-таки не везде властвует только снег и холод. С трех сторон королевство окружено холмами и горами и только с юга имеет выход к воде – Теплому морю. Оттуда к нам иногда приплывают корабли с яркими парусами, смуглыми жилистыми моряками, да шумными торговцами. Если тут и бывает снег, то в качестве исключения, чтобы поугагать тех же заморских гостей, для которых он в диковинку. Запад сплошь испещрен холмами и ущельями. Густой еловый лес, множество рек и болот перемежают их. Тут зима приходит и задерживается на полгода или больше. Она бывает лютая и морозная, но потом ее сменяет не менее жаркое лето, за которое мы успеваем подготовиться к новым холодам. С востока горы более пологие, плавные как морские волны, холмы тянутся на много лиг. Полноводные реки среди них несут свои воды до самого моря. В центральной части равнины и леса, и самое благоприятное место для жизни, с мягкой зимой и плодородным летом. Тут и проживает больше всего людей королевства. Варгард – самое сердце континента.

А вот с северной части... тут название себя оправдывает. Настоящий Север и его страж – Белая Гряда. Так их называют в народе. Горы, что словно выросшая каменная стена, к которой не подступиться. Да и желающих на это почти нет. Оно и понятно, эти горы не несут ничего кроме смерти. Высокие, с острыми вершинами и почти круглый год покрытые снегами, которые никогда не тают. Лишь на короткое время, как передышка, снег сходит в низинах, чтобы дать обновиться природе. Считается, что эти горы берегут нас от края Света, что там за ними больше ничего нет.

Мы с Бруном одновременно заметили, что Ома все время кого-то высматривала в толпе. Переглянулись. И Брун, конечно же, не сдержал свое любопытство.

– Ты кого-то ищешь? – ненароком спросил он.

– Да. Дан должен приехать сегодня в город повидаться с нами, – голос девушки рассеян, глаза не переставали блуждать по лицам в толпе.

– А Дан это кто?

Наверное, мне почудились эти нотки настороженности в голосе Бруна. Да, скорее всего почудились.

– Дан это наш старший брат.

– А что он сразу с вами не приехал?

– Просто... просто он живет отдельно. Не с нами.

– Женился и переехал? – Да тактичности моему другу сегодня недодали.

– На самом деле нет, не женился. – На пару мгновений она замялась, как будто раздумывая, стоит ли дальше отвечать, но потом все-таки продолжила. – Четыре года назад он решил уйти жить один. Построил себе небольшой дом в Туманном Лесу и живет там. Мама называет его дом берлогой, но принимает его выбор. Мы все принимаем. Но вы не подумайте, он нас не бросил, – поспешно добавила девушка, как бы извиняясь за брата. – Он постоянно помогает нам.

– Туманный Лес? – Брун с удивлением растягивал слова. – Не самое приветливое и обитаемое место.

Тут я с ним согласна. Слышала из рассказов про этот лес, что на западе в окружении болот и топей. Говорят там растут деревья великаны, что своими крючковатыми изогнутыми ветвями не пропускают ни лучика солнца в свои владения. Мало кто отваживается приближаться к нему, а уж жить там... Нужно быть либо отчаянным безумцем, либо ополоумевшим смельчаком. Либо тем, кому отчаянно нужно скрыться от людских глаз. Или правосудия.

– А почему он живет один? – слова вылетели быстрее, чем я осознала всю нахальность своего вопроса. Да, недалеко я ушла в воспитании от Бруна. Прикусила губу, но было уже поздно.

Но Ому мой вопрос не смутил. По крайней мере вида она не подала.

– На самом деле мы не знаем. Все произошло внезапно. Но ему было уже почти двадцать весен, так что никто препятствовать не стал. Тем более, что там он охотится и снабжает нас запасами мяса на зиму. Он не перестает о нас заботиться, хоть и не рядом каждый день, – грусть в ее голосе подсказала, что она очень тоскует по брату.

– Только не спрашивайте его об этом при встрече, он не любит разговоров на эту тему, – поспешно попросила нас она.

Мы с Бруном дружно кивнули, показывая, что на нас можно положиться.

– А у вас есть еще братья или сестры? – бросая взгляд через плечо на младших, спросила Ома.

– О, нам и этих скандалистов хватает! – Брун демонстративно закатил глаза, глядя на брата. Вижу, что Бланка с Граном уже снова начали препираться, а Юрн, идущий между ними с улыбкой переводит взгляд на новых друзей. Кажется, он уже раскусил, в какую компанию попал.

– У вас всех очень красивые маски. И вам они очень подходят, – сделала нам комплимент Ома. – Бланка так вообще вылитая лисичка!

– Спасибо, – сухо поблагодарили мы, осторожно переглянувшись. Знала бы она, как недалеко от истины.

За разговором мы не заметили, как добрались до западной части площади, где стояли несколько длинных столов с угощениями. Мы направились напрямик туда, чтобы выставить свои сладости и угоститься другими.

Чего тут только не было: сдобные булочки с посыпкой, витые маковые кренделя, хрустящее печенье, ягодные пироги, расписные пряники, леденцы и молочные конфеты. Конечно, не у всех на столах такие вкусности бывали даже раз в месяц, но к празднику Самой Длинной ночи, люди сберегали лучшее, чтобы поделиться с другими. Щедрость делает людей добрее, а доброта разгоняет тьму. Считается, что именно из-за щедрости людей Ночь сегодня отступит и станет короче.

Выставив свое угощение, мы прошли между рядами, присматриваясь, чем бы угоститься. Гран, Юрн и Бланка зависли над тарелками, сестра выбрала себе леденец на палочке в форме солнца, а мальчики взяли по мягкой молочной конфете с орехами. Я же рассматривала песочное печенье с ореховой посыпкой, которое так любит Брун, решая какое взять: в форме листа дуба или клевера. Но тут до меня донеслись слова, которые меня озадачили. Верно меня стал подводить слух!

– Ома, позволь я выберу для тебя угощение, а ты для меня и проверим, угадали ли мы предпочтения друг друга.

Моя рука повисла в воздухе на пол пути к тарелке и бессильно упала. Я не поверила своим ушам. Это же наша игра! Наша с Бруном. Мы с детства в нее играем. Он выбирает самое лучшее лакомство для меня, а я для него. И мы всегда угадываем, потому что мы друзья и знаем друг друга, как никто другой.

– Я боюсь, что обязательно ошибусь, – засомневалась Ома. Я разрывалась между внезапно накрывшим меня разочарованием и... гневом. Но надо отдать ей должное, в ее голосе не было кокетства, но от этого мне было не легче.

– Да брось, Ома, это же просто игра, – нарочито безразлично ответил Брун.

Мне хотелось закричать, что никакая это не «просто» игра! Это наш ритуал, только наш! Откуда она вообще взялась сейчас? Но вместо крика, я с усилием нацепила на лицо безразличие и незаметно отошла подальше, чтобы не видеть, как друг выбирает самое аппетитное угощение для Омы, на месте которой должна была быть я.

Я всегда считала наше общее будущее с Бруном такой же нерушимой истиной, как то, что утром родится солнце над Долиной, чтобы не случилось. Мы выросли вместе, всегда поддерживали друг друга. Он помогал мне пережить свою неполноценность, а я была рядом, в самый важный момент жизни Бруна – когда его тотем пробудился. Мы знаем друг друга лучше, чем кто бы то ни был. В конце концов, я думала, что также важна для него, как и он для меня! Я ведь... люблю его и он для меня все.

На ватных ногах я отошла от стола с песочным печеньем так ничего не выбрав. Да и зачем теперь? В горле встал ком, который не давал мне полноценно вздохнуть. Все вокруг лишилось своих красок. Взяла машинально только два медовых пряника с глазурью для мамы и папы, бережно завернула в платок и спрятала в сумку на поясе.

«Он одумается», – успокаивала я себя. Брун всегда был очень импульсивен, скорее всего он скоро осознает, что сделал и придет извиняться и скажет, что просто хотел развеселить нашу новую не в меру застенчивую знакомую. Мы вместе посмеемся над этим и дружно забудем. Вот так все и будет. Даже не сомневайся, Мирра!

Людей вокруг становилось все больше и больше, солнце уже давно скрылось за горизонтом и площадь освещало множество факелов по периметру. Я опустила свою маску на лицо,

чтобы слиться с толпой, гуляя по площади. Бланка и Гран остались около Бруна, он за ними присматривал. А я решила пройтись, чтобы развеять тяжелые мысли, что свинцовыми тучами толкались у меня в голове. Очутившись перед помостом я увидела, что на сцене уже собирались артисты, готовились открывать сегодняшнее празднование огненным представлением.

Семеро парней и девушек встали на свои места. Красивые, стройные в черных кожаных костюмах с заклепками и металлическими наручами. Их одежда мало подходила для зимнего вечера, но их лица выдавали лишь пренебрежение к холоду. Они двигались мягко и бесшумно. Толпа замерла и жадно ловила каждое их движение еще до начала представления.

Двое музыкантов, стоящих по бокам от сцены начали отбивать ритм на барабанах. Сначала тихо. Медленно. Протяжно. Но постепенно звук нарастал, усиливался, отражался вибрациями от каменных стен. Первая пара – парень и девушка – вышли вперед и поднесли по очереди свои шесты с концами обернутыми тканью к чащам с огнем на краю сцены. Они резко вспыхнули и у толпы вырвался синхронный восторженный вздох. Пара плавно кружила вокруг друг друга в опасном танце. Сближались и отталкивались словно раскалённые угли, а шесты в их руках выписывали кольца и восьмерки. Постепенно к ним присоединялись остальные. И вот, уже по сцене порхали, словно крылья сказочных существ, горящие веера, взлетали в воздух булавы и в немыслимом вихре кружили опасные пои. Музыка нарастала и нарастала, пока не достигла своего апогея так, что сердце начало заходится в заячем беге. Артисты по очереди отошли к краю сцены, расчищая свободное пространство, оставляя в центре одного мужчину. Выглядел он устрашающе с раскрашенным черной краской лицом и множеством мелких кос, оплетающих голову словно змейки. И когда все взгляды обратились только в нему, он поднес к лицу горящий факел, обвел толпу торжествующим взглядом и выдохнул пламя. Над сценой пронеслось огненное чудовище. Толпа охнула и в благоговейном страхе отступила на шаг. Но уже в следующую секунду площадь взорвалась градом аплодисментов, так что у меня заложило уши.

Я смотрела на представление, но не могла в полной мере им насладиться. Словно все происходило через пелену на глазах. Мысли-предатели то и дело возвращались к Бруну и его поступку. Вокруг него, конечно, всегда увивались девушки из клана, попадающие под очарование его невозможных, будь они неладны, голубых глаз, но он никогда не провоцировал сам это внимание и уж тем более не оказывал внимание кому-то определенно.

Что-то незнакомое доселе начало скрести на душе когтями. Что это? Обида? Ревность? Я всегда считала что мы с Бруном друзья, которым суждено быть вместе. Никто никогда не понимал меня так как он! Он был рядом во всех бедах, приходил первый на подмогу, утешал. И я любила его тихо и не прося ничего взамен. Мне казалось, что наши чувства обоюдны. Да, мы не проявляли их открыто, но мы ведь были еще детьми!

Да, были. Но сейчас мы уже выросли, горько осознала я.

Представление закончилось, но никто не торопился расходиться. Это значило, что скоро будет большой Хоровод Колеса Времени. В центре площади давно уложен большой костер из кривых сучклявых ветвей, окруженный массивными валунами. Он только и ждал своего часа, когда его оживят, поднеся искру. Музыканты затрубили в горн, призывая всех в центр.

Вокруг костра образовалось четыре круга. Малочисленный в самом сердце круга у огня – это наши долгожители – бабушки и дедушки, тот, кто уже хрупок и кому нужны наша помощь и уважение. Затем дети – им нужны защита и знания. Третий круг – это наши родители, кому мы обязаны жизнью и достойным воспитанием. И, наконец, в четвертом внешнем круге стоим мы – сильные и молодые, на пороге самостоятельной жизни, кому предстоит заботиться обо всех, кто внутри кольца. Это и называлось Хороводом Колеса Времени. Вечный круг жизни и ее преемственность.

Заиграла музыка. К огромному костру поднесли факел и огонь с диким восторгом начал танцевать по сухим ветвям, его жар и жажда жизни по первородной связующей нити передались и нам. Время словно остановилось.

Закольцевалось.

Первый и третий круг медленно идут в противоположную сторону со вторым и четвертым. Мы крепко держимся за руки, выполняя незамысловатые движения и чеканя шаг. На лицах людей восторг и предвкушение. Ритм медленно ускоряется, перед глазами все сливается в вихрь дикого танца. Я только и успеваю выхватывать взглядом в водовороте масок родные – сестру и друзей.

Ноги едва касаются земли, а в голове становится легко-легко. Течение реки и буйство стихии. Пляска продолжается, пока не сторит дотла весь костер. Внутренний круг пожилых танцует столько сколько может, пока силы не покидают их, затем они рассаживаются у самого огня, подбадривая остальных хлопаньем в сморщенные ладоши и притопываем ног, а мы продолжаем танцевать, пока огонь не слижет последнее полено, превратив его в пепел.

Мы молоды, сильны и здоровы. Мы поддерживаем жизнь, продолжаем род. Преемственность поколений. Непрерывающийся круг жизни. Вот о чем этот танец, необузданный, первобытный, хаотичный и упорядоченный, как сама стихия жизни.

Последние всполохи догорающих полений озаряют наши маски. Музыка, как и костер, затихает постепенно. Люди останавливаются и еще пару секунд все держаться за руки, пытаясь восстановить дыхание. Горячие ладони и пылающие сердца. Лица выглядят уставшими, но у всех блуждают на губах улыбки, а в глазах отражается свет. И непонятно, сейчас это свет от огня или он исходит изнутри.

Единство – вот то, ради чего сегодня все собрались на этой площади. Показать тьме, что ей не победить.

Медленно люди начали расходиться по площади, чтобы найти себе развлечение по душе, коих было не мало: можно было отправиться испытать свою меткость в тире или силу в перетягивании каната, ловкость в лазании по столбу, а самые отчаянные могли пройти по туго натянутому полотну над грязевой ванной. Ну и, конечно же, часть гостей первым делом отправилась угоститься у общего стола, пока там еще что-то осталось вкусное.

Воспоминание о сладостях мигом наполнили мой рот горечью полыни. Брун так и не подошел ко мне, чтобы извиниться или как-то объяснить, что произошло. Кажется, он даже не заметил моего отсутствия. От невеселых мыслей меня отвлекла подошедшая Бланка в компании своих верных спутников. Даже сквозь маски было видно, что они очень взбудоражены происходящим, их глаза горели предвкушением сегодняшнего вечера.

– Мирра! Эти две зануды не верят, что я могу попасть дротиком в цель с пятнадцати шагов! – сердито воскликнула сестра, тыча пальчиком в мальчишек.

По лицу «зануд» и еле сдерживаемому смеху, я поняла, что они нарочно подтрунивали над моей не в меру вспыльчивой сестрой. Уж вот кого хлебом не корми, а дай кому-нибудь что-то доказать. А Юрн? Как он так быстро подхватил негласные правила игры между Бланкой и Граном!

– Пойдем с нами, Мирра! – начала упрасивать меня Бланка. – Я покажу им, у кого тут рыбы плавники вместо рук!

Сестра схватила меня за руку и потянула к стойке с тиром. Я подала зрителю монету для оплаты и он выдал нам дюжину дротиков, которые тут же разобрала шумная троица.

Начался несусветный галдеж и препирательство, кто будет метать первым. Но даже вдвоем у них не было шансов против Бланки.

В этот момент к нам вернулись Брун и Ома. Их маски были сдвинуты на затылок и, кажется, даже забыты, они что-то оживленно обсуждали. Лицо девушки покраснелось, как от

постоянного смеха. Еще бы! Если Брун задался целью развеселить кого-то, то станет сложно оставаться серьезным хотя бы пять минут. Уж я-то знаю.

Было видно, что Оме очень приятна его компания и внимание. И я поймала себя на мысли, что злюсь. Хотя мне и не свойственны обычно такие чувства. Я вообще не понимала, что со мной твориться, и от этого хотелось провалиться сквозь землю. И я уже решила куда-нибудь сбежать, как Брун обернулся ко мне, его глазах была нерешительность и надежда.

– Мирра, я хотел показать Оме арку из ели, что установили на восточной стороне. Тауна рассказывал, что ее для сегодняшней ночи украсили тысячей свечей. Ты не против приглядеть за Граном и Юрном, ну и Бланкой, конечно, пока мы погуляем?

Мне отчаянно хотелось отказаться. От мысли оставить их наедине светло живот. Но я прочла в его небесно-голубых глазах такую мольбу и сама не поверила, как согласилась. Он просиял как начищенная монета. Вот вечно так!

– Да, конечно! Не переживайте ни о чем. Мы с ними тут здорово развлечемся. Я как раз тоже хотела пометать дротики, показать этим юнцам, кто тут главный! – без оглядки соврала я, подталкивая их вперед. – Идите-идите. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Лишь бы поскорее ушли! Но Ома развернулась и взяла меня за руки.

– Спасибо тебе огромное, Мирра! Мне еще ни разу не доводилось просто гулять в празднование Самой Длинной. Всегда весь вечер за прилавком, не отходя ни на шаг, и все веселье мимо нас, – горячо и искренне поблагодарила меня Ома, так что маятник моих чувств к ней заметался от злости к симпатии и обратно со скоростью февральских ветров. Я осознавала, что она не сделала ничего дурного, чтобы я так на нее злилась, но чувства были сильнее меня.

– Я так вам всем признательна! Не знаю, чем заслужила это...

Брун залился довольным румянцем и предложил Оме свой локоть под предлогом, не потеряться в такой сутолоке. А когда она приняла его помощь с широкой улыбкой, повел ее в восточном направлении искать эту проклятую арку.

Тут и там раздавались взрывы хохота, играла музыка, звучали веселые и даже фривольные песни. Площадь гудела.

Вдоволь наметавшись дротиков и даже выбив себе приз в виде мешочка леденцов, мы перешли к перетягиванию канатов. Бланка, конечно, встала в команду напротив той, которую выбрали Гран и Юрн. Я же осталась в стороне наблюдать издали их потуги. Ребята веселились от души и я немного завидовала тому, с какой легкостью они увлекались всем происходящим, наслаждаясь каждой минутой и отдаваясь забавам целиком. Я честно пыталась окунуться во всеобщую атмосферу праздника, но голова, которую теснили гадкие мысли, иногда казалась каким-то лишним отростком на теле. Сегодня же Самая Длинная Ночь – время, когда нельзя поддаваться тяжелым думам, отдернула я себя, а иначе... Но додумать я не успела, по спине снизу вверх прошла волна уже таких знакомы и до скрипа ненавистных мурашек. Нет!

Я уже отработанным, почти инстинктивным движением сжала с силой руку в кулак, ожидая почувствовать маленькую вспышку боли от кольца. И... ничего!

Что? Как?

Пара судорожных вздохов и волна паники успела меня накрыть за мгновение раньше, прежде, чем я провалилась в видение.

Сотни свечей мерцают от еле заметного ветерка. Широкая арка, а скорее даже коридор, украшенный мягкими лапами еловых ветвей выглядит сказочно в этой каменной клетке. Я замечаю их со спины – невысокую девушку в малиновом кафтане и широкоплечего парня с волосами цвета спелой пшеницы. Девушка восторженно смотрит по сторонам, пока ее спутник ей что-то рассказывает. Потом он берет ее за руку, но тут же хмурится – тонкие пальчики заледенели. Все-таки на дворе середина зимы. Разворачивает девушку к себе, и уже осторожно прячет ее ладони в свои. Ее длинные ресницы опущены и по щекам разливается алый цвет, когда он подносит ее руки к губам и пытается согреть своим дыханием. Их лица

слишком близко и они встречаются взглядами. Парень немного склоняется и едва касается своими губами ее губ. Он боится ее реакции, что оттолкнет, убежит. И замирает. Но секунда и девушка чуть подается навстречу, отвечая ему.

Вокруг снуют прохожие, понимающе улыбаясь, видя красивую пару под сводом сотен огоньков...

Я вынырнула из оцепенения и стала хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. На меня покосились рядом стоящие люди, все ли со мной в порядке, но мне было все равно, что обо мне подумают.

Кольцо! Почему я не почувствовала привычной боли? Я посмотрела на левую ладонь, но его там не оказалось. Я даже ощупала палец, где обычно его носила, убедиться, что глаза меня не подводят. Но куда оно пропало? Потом я вспомнила – пару месяцев назад оно стало мне мало на среднем пальце, и я надела его на безымянный, где было чуть великовато. Видимо, когда мы танцевали хоровод Колеса Времени оно просто соскользнуло с влажной руки и я даже не заметила... Проклятье!

Перед глазами все еще стояла картина, как Брун целует Ому. Что делать? Я не могла этого допустить! Не хотела чтобы это случилось. Этот поцелуй перечеркнет все! Если бы только это не было правдой, но видения не ошибаются. А что, если помешать этому? Завтра мы уедем в Долину и Брун больше никогда не увидит Ому, а самое большое через седмины уже и совсем забудет о ее существовании. Да, так будет лучше, ему же будет лучше! Нет поцелуя – нет никаких душевных страданий. Настоящие друзья оберегают друг друга от страданий, ведь так?

«Но ты же знаешь, что нельзя вмешиваться в провидение», – напомнил мне мерзкий тонкий голосок здравого смысла внутри. «Но ведь никто не умер в моем видении, что плохого случится?» – противостояло ему отчаяние. Главное успеть!

Я оглянулась на Бланку, Грана и Юрна. Они все еще были заняты на площадке для соревнований и ни о чем не подозревали. Чтобы добраться до арки много времени не понадобится, лихорадочно соображала я, прикидывая что нужно всего-то пересечь площадь, мимо главной сцены. Я мигом вернусь и они даже не заметят моего отсутствия!

Еще раз бросила взгляд на ребят и сорвалась с места. Но не тут-то было. Путь себе приходилось прокладывать сквозь праздну снующих людей, буквально продираясь, как через тернистый лес. Я уже порядком запыхалась, когда над головами увидела выступающую макушку арки и еще более решительно направилась к ней. Уже совсем близко!

Точь-в-точь как в моем видении арка и правда выглядела волшебно. К кованной металлической конструкции прилажены пушистые ветви ели и туи, а среди них на маленьких круглых чашах закреплены тонкие восковые свечи. Такие арки тоже часть ритуала сегодняшней ночи, по традиции нужно пройти сквозь нее со светлыми и чистыми мыслями, чтобы оставить все плохое позади и выйти из нее обновленным. Но моя голова была занята таким, что светлым и чистым точно назвать нельзя.

Как ни странно, у арки было более просторно, а звуки тише. Наверное, потому что люди тут сосредотачивались на чем-то благостном и в безмолвии проходили через зеленый коридор. Бруна и Ому я заметила сразу и замерла в нерешительности. Я еще могу повернуть назад и притвориться, что ничего не видела. Они меня не заметили. Но вот голова Бруна склонилась к замерзшим рукам Омы и он подул на них своим горячим дыханием, слегка растирая ладони. Их взгляд глаза в глаза. И я как будто со стороны слышу голос до боли похожий на мой.

– Брун! – воскликнула я.

– Мирра? – он растеряно озирался по сторонам, пока не выцепил мое лицо в толпе.

Нахмурился.

– Что-то случилось?

– А? Нет. То есть да! Шипп... он искал тебя. Ему там что-то было нужно, – пунцовый цвет заливал мне щеки от вранья, но я надеялась, что в сумерках этого не видно. Но зато видно, как разочарованно вытянулось лицо Бруна и он нехотя выпустил тонкие пальцы девушки из своих.

– Хорошо, я сейчас найду его.

– Я пойду с тобой. Вдруг им понадобилась наша помощь, – добавила Ома, коснувшись его локтя. И уже встревоженно. – А где Юрн?

– Перетягивает канат с Граном и Бланкой! Все в порядке, не волнуйся! И я уже бегу обратно к ним! – внутри заскребло непонятное чувство, но я затолкнула его поглубже. Развернулась на месте и бросилась стрелой в сторону площадки для состязаний. Краем глаза заметила спешащих в противоположном направлении Бруна и Ому.

Мое ликование сменилось беспокойством, когда вернувшись к арене, я не обнаружила там сестру и ее друзей. Приподнялась на цыпочках, ища их глазами, но куда мне с таким ростом.

Куда же они запропастились? Я оббежала вокруг, ругая себя на чем свет стоит, да разве это помогло бы? А вдруг, они не обнаружив меня на месте, испугались и решили найти на ярмарке родных? Да, точно! Я повернула в сторону торговых рядов.

Пробежала мимо помоста сцены, и уже почти миновала столы с угощениями, как взгляд выхватил рыжую лисью маску сестры слева от меня. «Вот же прожорливые личинки жука-караеда!» – выругалась я.

Подошла ближе. Гран, Юрн и Бланка стояли окружив женщину в белом одеянии и с такими же снежно-белыми локонами, доходящими ей до бедер. Лицо её закрывала изящная маска, но даже так можно было догадаться, что под ней скрывается очень красивая женщина. Я невольно залюбовалась ее волосами, которые рекой струились по спине, словно разлитый лунный свет.

Одной рукой она держала маленький прямоугольный поднос на ремне, перекинутом через плечо. А на нем стояли маленькие хрустальные бокальчики с голубоватой и красной жидкостью. Два из них были пусты, а один она протягивала Бланке.

– Но я тоже хочу напиток силы! Зачем мне эта ваша красота?! – донеслись до меня возмущенные вопли сестры.

Это не редкость, что кто-то лично раздает угощения или напитки, а не ставит на общие столы, хотя обычно это более общительные люди, которым просто хочется поболтать под таким предлогом. Какими только причудливыми названиями они не нарекали свои подношения. Тут отведаешь и кренделя вечной удачи, и леденцы хорошего настроения, и пряник невиданно ловкости, и еще чего-то такого, что произносят только на ушко, а потом заговорщицки хихикают.

– Бланка, да в тебе и так силы на семерых. Видали мы, как ты канат тянула! Чуть нас всех по земле лицом не протащила, – пытался остудить ее напор Юрн. – Хотя и красоты хватает тоже...

Сестра глянула на него, как будто увидела впервые. И захлопнула рот с рвущимися выражениями. Гран хмыкнул видя, как Юрн не знал куда спрятать глаза и со звоном возвратил пустой бокал на поднос женщины в белом.

– Приложили тебя там головой что ли? – все-таки вырвалось у Бланки. Но от ответа Юрна спас мой приход. Заметив меня, незнакомка сделала шаг назад, намереваясь раствориться в толпе. Наверное препирательства Бланки ее утомили.

– Бланка! Гран! Что у вас здесь происходит? – тоном сердитой старшей сестры спросила я, от которого самой стало тошно. – Куда вы запропастились? Я вас везде ищу!

– Нас тут угостили напитком силы, а Бланку красоты, но ей снова все не нравится! – пояснил Гран, стараясь отвлечь меня. – Хочешь тоже?

Он протянул руку в сторону медленно уходящей женщины.

– Пойдите!

– Да, пожалуйста, – донеслось из-за маски и беловолосая женщина протянула мне бокал с красной жидкостью и глухо добавила.

– Да благословит вас сегодня Праматерь!

– Благодарю! – я приняла бокал, но пить не спешила, незаметно принохиваясь. Обычный клюквенный сок с горным чабрецом! Попробовала – на вкус тоже ничего необычного. – Очень вкусно! – похвалила я и вернула бокал, переключаясь на троицу. Женщина тут же растворилась в толпе, даже не повернув головы, когда к ней потянули руки за напитком прохожие. Но заикливаться на этом мне было некогда.

«Спасибо, что они в порядке!» – про себя поблагодарила Праматерь, чтобы эта троица не видела, на сколько я за них испугалась. Но хмуриться на этом не прекратила.

– Прости меня... – первая начала Бланка.

– Мирра, это я виноват, что мы ушли, – заслонил ее плечом Гран. – Мы проголодались и я предложил сходить раздобыть еще что-нибудь сладкое, пока тебя не было.

– Врет он все! – пищала из-за его спины сестра. – Это я предложила!

Удивительно, но с самого детства Бланку и Грана мир не брал, они спокойно не могли общаться больше пяти минут. Но когда дело доходило до реального наказания, то были готовы выгораживать друг друга, препираясь еще, кто сильнее виноват.

Я покачала головой, не успела и рта раскрыть, как над площадью разнесся, отражаясь от стен, звук горна, призывавшего всех к помосту. До полуночи оставалось всего около получаса, а это значило, что скоро пожалует сам Его Величество король Атли с последней речью Периода Тьмы. На это время прекращалось все веселье, торговля и танцы. Все должны были оставить свои дела и внимать речам короля. Зато сразу после нее начнется моя самая любимая часть – Ночь Сказок, которая продлится до первого луча солнца, что окрасит землю на востоке.

В детстве мы ее просто обожали. Хотя бы уже за то, что можно не спать всю ночь. Нас рассаживали вокруг очага, а старая Ика посматривала на нас своим строгим совиным взглядом и мы затихали. А потом над нами словно дымкой плыли ее размеренные слова, которые оживали в воображении, рисуя картинки дальних земель и невиданных существ. Какие-то истории дарили нам крылья и чудеса. А какие-то показывали мир с другой, еще не знакомой нам стороны. Неприглядной и порой ужасной.

Мы подошли к помосту, я нашла руку Бланки, сжала её. Рядом встали Гран и Юрн, невдалеке я заметила высокую фигуру Бруна. Он скорее всего не один. Кто-то, скорее всего Идун, остался приглядывать за лавкой, а остальные наверняка тоже где-то рядом.

Раньше я никогда не видела короля, разве только его профиль на плакатах, которые расклеивали по случаю знаменательных событий или указов, что с каждым годом усложняли жизнь простому народу. Король Атли в окружении стражи вышел на середину сцены, чтобы поздравить с началом нового витка. Он одет в длинную кроваво-красную мантию, которая сразу обозначила его превосходство над остальными. Он невысок ростом, худ, хотя и широк в плечах, но это какая-то щедедушная широта. Мышиного цвета жидкие волосы до плеч и острый выступающий подбородок. Но самое отталкивающие в нем глаза – маленькие, глубоко посаженные, с оценивающим прищуром.

Горожане замерли, приготовившись слушать его выступление. Мы же не испытывали перед ним особого трепета, хотя за такие мысли можно и розгой получить по спине. В отличие от своего покойного отца, при котором страна процветала, поборы были посильными и велась активная справедливая торговля между королевством и южанами с Теплого моря, нынешний король не отличался заботой о своем народе. Теперь, если случится неурожайный год, то сборы для короны только увеличивались, и плевать, что люди будут жить впроголодь.

Рядом с ним стоял его младший брат, принц Генри. И если бы не плащ с отличительным гербом, то я бы ни за что не догадалась, что стоящие рядом мужчины – братья. Отец говорил,

что принц Генри копия почившего короля. Высокий, статный, с короткими русыми волосами и орлиным носом, глаза его при этом смотрели цепко, но во взгляде светились ум и благородство.

Протрубил еще раз горн и глашатай зычным голосом призвал всех к тишине и вниманию. Король взял слово.

– Горожане и гости из ближних и дальних земель! Я приветствую вас! Сегодня славный праздник Самой Длинной Ночи! И уже совсем скоро Колесо Жизни повернется в сторону света, солнце начнет обогревать землю, зима отступит. Пусть грядущее лето принесет богатый урожай и приплод, что поможет пережить нам следующую долгую зиму! Празднуйте! Во славу Севера и коро...

Фразу он так и не закончил. Среди толпы сразу в разных концах площади раздались вопли ужаса. Я хотела обернуться, чтобы разглядеть, что там произошло, но не успела повернуть голову, как стоящий рядом со мной Юрн закинул назад голову, по его телу пробежала волна дрожи, что выгнула неестественно позвоночник. Он упал на четвереньки и через мгновение я видела на его месте волка. Огромного, рыжего как пламя.

Как? Как это возможно? Мы знали только один способ, как... Источник? Я отказывалась верить своим глазам. Этого просто не могло быть!

– Волк!

– Зверь! Он стал зверем!

– Волки! Помогите!

– Кто-нибудь сделайте хоть что-то...

Краем глаза заметила еще несколько обернувшихся в толпе помимо Юрна. Оцепенев всего на секунду, живая масса превратилась в порождение хаоса. Устоять на ногах стало не просто, меня пихали с разных сторон, пока я пыталась подобраться к Юрну-волку. Протянула к нему руки, хотя сама не знала, что собираюсь сделать. Схватить? Удержать? Он уклонился и я столкнулась его остекленевшими белесыми глазами. Он смотрел сквозь меня. Подчиняясь какому-то неведомому зову, Юрн вскинул голову, обернулся и в два упругих прыжка умчался в сторону южной стены. Я успела схватить только воздух.

Площадь превратилась в ад. А следующий крик заставил кровь остыть в моих венах.

– Гран! Нет, Грааан! – одновременный отчаянный зов родных голосов Бланки и Бруна.

Брун кинулся в сторону волка со светло-серой, почти пепельной шерстью и черной холкой, пытаясь обхватить его за шею и удержать, но он рывком опрокинул брата и тоже помчался к южной башне. Толпа в ужасе сбилась около возвышения, где еще пару минут назад произносил свою пафосную речь король. Стража уже обступила его и выставила вперед штыки и заряженные арбалеты. Волки сбились в кучу и скалились, пригибая морды к земле. Мелькнула белая тень и в следующую секунду с близ стоящего здания спрыгнула белоснежная волчица. Она вышла вперед и обернулась женщиной.

Высокая, стройная в струящемся наряде, с длинными снежно-белыми волосами, развевающимися на ветру. Те же длинные волосы, которыми я так восхитилась у незнакомки, что угощала напитками после Хоровода Колеса Времени. Маски на лице уже не было. Кожа без намека на румянец и индиговые глаза, устремленные на короля Атли, в которых плещется такая ненависть, что в ней можно было утопить всю площадь. Вокруг нее бесновали две дюжины волков, разделяя ее ярость. И среди них Гран и Юрн, что приняли из ее рук напиток. Значит, то было не просто угощение. Но я и Бланка тоже его испили. Видимо под видом «напитка красоты» она раздавала и правда клюквенный сок с чабрецом. А вот им... Я ужаснулась своей догадке.

– Кто ты такая, ведьма?! – бросил резко ей король, окруженный со всех сторон живыми щитом из людей. Его глаза бегали по женщине в белом и волкам, оскалившимся на толпу. – Убирайся из моего города!

От этих слов ее рот растянулся в зловещей улыбке. Она не предвещала ничего хорошего.

– Вас не обучали манерам, Ваше Величество? Кто же так приветствует гостей? – снисходительный голос женщины-волчицы с нотками звенящей стали пронесся по всей площади и отразился от каменных стен.

– Мы не приветствуем ведьм! Твое место на костре, а не в нашем городе!

– Ведьма? Меня зовут Мора! И Ваше Величество, – каждое высокопарное обращение в ее устах превращалось в плевков. – Вам разве ничего не кажется знакомым?

Она широким жестом обвела свою стаю. Глаза короля начали лихорадочно бегать, как будто он силился что-то припомнить. По его расширившимся глазам стало понятно, что он вспомнил, а вспомнив, отказывался верить увиденному.

– Убить ее! Убить их всех! – истерично заорал он страже, вскидывая руку вверх. Моментаً натянулись арбалеты. Я судорожно сглотнула, решая что же делать, как закрыть Грана. В толпе раздались рыдания и причитания других женщин, чьи сыновья или братья сейчас тоже стояли рядом с волчицей на другой стороне. Наина не рыдала, но я чувствовала, как ее сотрясает дрожь липкого страха за сына.

– Нет, стойте! – рывкнул в сторону стражи принц Генри, а затем положил руку на плечо брата, в попытке образумить его. – Пострадают невинные, Ваше Величество! Эти дети еще ни в чем не виноваты!

Стража так и осталась стоять с натянутыми стрелами, не понимая, что предпринять. С одной стороны принц Генри – командир королевской армии и именно он непосредственно отдавал им приказы. С другой – сам король, которого страшно послушаться. Но эта заминка выиграла немного времени. – Эта ведьма превратила их в злобных тварей, это уже не дети, посмотри на них! – тихо цедил сквозь зубы король с лицом искаженным яростью и отвращением. Принц обернулся к волкам. Я не знаю, что он там видел, злобных твоей или все же людей, но он покачал головой, отметая слова короля, и сделал предупредительный жест страже не стрелять.

– Чего ты хочешь, Мора? – вкрадчиво обратился к женщине-волчице Генри. – Мы готовы тебя выслушать.

– Я хочу только одного – смерти вашего короля!

Её спокойным голосом можно было крошить камни. Но ярость во взгляде только сильнее подстегнула волков у ее ног. Они окружили её плотным кольцом, заслоняя собой, и готовые в любой момент броситься на любого, кто попытается причинить ей вред. Их глаза подернуты пеленой. Откуда такая слепая преданность? Ведь мы выпивая воды нашего Источника не становились одержимы. Это что-то другое. Правда, ведьмовство? Я скривилась. Это все из сказок для детей.

– Этого не будет!

– Сразись со мной в честном поединке, Атли, и я освобожу от чар твоих подданных. А иначе погибнет много невинных жизней из-за твоей трусости, – Мора пристально смотрела ему в глаза, там сквозила издевка. И обращение «Ваше Величество» она опустила не просто так. Она прекрасно знала, что король никогда на это не пойдет. Не та у него душа, чтобы выйти и посмотреть смерти в лицо. – Король ведь должен заботиться о своих подданных, не так ли? Кем бы они не были.

Ее жесткий смех отразился от каменных стен и эхом поскакал по площади, проникая под кожу и внушая ужас. Даже по лицу короля было видно, что он боялся. Люди замерли в ожидании и страхе. Еще недавно они весело танцевали на этой самой площади, поздравляли друг друга и дарили улыбки, а теперь стояли и не верили в происходящее. Как быстро может встать все с ног на голову и для этого даже не нужно ничего делать.

– Вам нечего мне предложить, ведь нет ничего дороже человеческой жизни, даже отнятой, – тише добавила она.

Краем глаза я заметила, как один из личных телохранителей Атли незаметно отделился от толпы. В руках заряженный арбалет. Он пытался зайти с левого бока женщины-волчицы, чтобы пустить в нее стрелу, догадалась я. Когда король успел незаметно отдать такой приказ? Или это дело рук принца?

Волки встрепнулись. На уровне инстинктов они почувствовали приближающуюся опасность и пришли в еще большее движение, кружа и всматриваясь в толпу. Велика вероятность, что стрела угодит в кого-то из них, а не в Мору.

Один из волков рыжей масти заметил стражника и двинулся в его сторону. Это Юрн, его сложно не узнать. Наина тоже это заметила, она не сводила глаз со своего сына. Не раздумывая женщина бросилась на стражника, пытаясь отвести прицел от мальчика. Я сорвалась с места в их сторону, расталкивая людей локтями. Маска упала мне на лицо закрыв обзор, я и забыла, что она была на мне. Сдернула ее и отбросила в сторону, услышав хруст, когда кто-то наступил на нее. Стражник с арбалетом был сильнее хрупкой Наины, он легко отпихнул её свободной рукой и выстрелил. Правда не успел как следует прицелиться. Мора, поняв что происходит, развернулась в прыжке и легко ушла от стрелы одновременно оборачиваясь волчицей.

Все вокруг пришло в движение. Волки скалились на толпу и кидались на стражу, защищая Мору. В слепом повиновении закрывали ее своими спинами. Люди в панике разбежались в близлежащие переулки, надеясь там укрыться. У них не было оружия, чтобы обороняться против острых зубов обращенных.

Брун бросился на спину пепельного волка, пытаясь обхватить его и задержать. Это было продиктовано отчаянием. Он знал, что ему с ним не справиться, ни тогда, когда Гран в обличии волка. А у Грана не было и малой толики узнавания нас. Я ринулась на помощь своему другу, по пути уклоняясь от клещающих зубов и свистящих мечей. Пока Брун мертвой хваткой держал брата, другой волк налетел и вцепился ему в плечо, разрывая плоть. Бланка пыталась помешать ему, но ее оттащил кто-то из стражи, пытаясь оградить. Она извивалась ужом, пиналась и, кажется, даже попыталась его укусить, но стражник лишь поморщился.

Я видела, как боль исказила лицо Бруна, а кровь обагрила камень под ногами. Но он и не думал отпускать брата. Я схватила один из факелов для освещения площади и кинулась с ним на волка, отгоняя его от Бруна с Граном. Рядом Шипп тоже с факелом оборонялся от двоих волков, прикрывая Наину и Ому. К нему на помощь бежал Идун с чем-то длинным и кованым в руках, странно похожим на кочергу. Выхватила в вихре другие знакомые лица людей из Долины. Словно живой щит они стояли между волками и стражей, не давая тем и другим убить друг друга. Им приходилось одновременно обороняться и защищать. Они единственные знали, что это ни какая не магия или колдовство, превратили юношей в волков, как посчитали горожане, поэтому не могли позволить причинить им вред, даже несмотря на то, что они находились под действием какой-то пока непонятной нам силы. Они не сражались с волками, а скорее пытались не дать им причинить вред кому-то и пытались чтобы их тоже никто не убил. Все-таки это все еще были Гран и Юрн. И другие, тоже чьи-то сыновья, братья и друзья. Никто из клана не мог обернуться в тело своего тотема, чтобы помочь. Не здесь среди сотен глаз. Да и это вряд ли бы помогло.

Вдруг раздался пронзительный вой – белая волчица призывала свою стаю и сама понеслась прочь по главной дороге в сторону городских ворот. Волк, терзавший Бруна, тут же бросил свою жертву и откликнулся на зов Моры. Остальные не заставили себя ждать. Гран потрянул обессилевшего и окровавленного брата со спины и тоже влился в поток. Им в спину летел град стрел, но они ловко уворачивались от них. Стража кинулась в погоню, но я понимала, что им не успеть остановить их. Наина бросилась вслед за сыном, но Идун ее держал стальной хваткой, чтобы ни одна стрела ненароком не угодила в нее.

– Закрывать все ворота! – гремел голос принца Генри.

– Это тебе не поможет! – На крыше одного из домов, что обрамляют площадь, появилась Мора с развевающимися волосами.

– Мы еще встретимся, Атли! Если ты не трус, я буду ждать тебя на рассвете Первого дня весны у Ледовой Пустоши! – бросила она ему.

Один удар сердца и снова перед взором предстала белоснежная волчица, ловко перескакивающая по крышам домов и уносящаяся во тьму, которая должна была сегодня отступить.

Когда волки покинули город, на какое-то время все замерло. Люди не могли поверить в случившееся, только отовсюду были слышны стоны боли тех, кто не успел скрыться во время битвы. Уцелевшие потихоньку и все еще с опаской возвращались на площадь, чтобы помочь пострадавшим.

Бруна сильно ранили, его плечо было разодрано. Главная артерия, к счастью, не задета, но кровь продолжала выходить толчками. Бланка сидела рядом и отважно зажимала рану руками. Я видела на ее лице ужас и отчаяние, когда она провожала взглядом уносящегося прочь Грана. Кажется, впервые в жизни она была так напугана, но не за себя. Я бросилась к ней на подмогу. Придержала Бруна за плечи, он был в полубессознательном состоянии, его стоны боли раздирали меня изнутри и я не знала, как облегчить его страдания.

Шипп и Идун тоже получили ранения, но они не такие опасные, так что могли подождать. Первым делом нужно было помочь Бруну, потом будем думать, что делать дальше. Мы уложили его на носилки. Их доставили по распоряжению принца Генри на площадь для раненных. Сам он ходил тут же среди людей и отдавал приказы, кому и в какой очередности оказывать помощь. Его одежда и лицо перепачканы в грязи и крови, но его это похоже совсем не заботило, он работал наравне со всеми. Короля в этой суматохе я не видела, впрочем, о нем хотелось думать в последнюю очередь. Мы осторожно понесли Бруна к дому. Тауна, Бланка и Наина ушли вперед, чтобы к нашему приходу подготовить теплую воду для промывания ран и необходимые отвары. – Несите его как можно осторожнее, но времени зря не теряйте, мы будем ждать вас дома. Я к тому времени постараюсь найти лекаря, – напоследок сказала нам Тауна, прежде чем скрыться за поворотом. Ома осталась с нами, она шла рядом и помогала зажимать раны Бруна, чтобы уменьшить кровопотерю.

Я бросила на нее взгляд, губы её дрожали, но она старалась не показывать виду. Надо признать, что несмотря на случившееся ни она и ни ее мать не потеряли присутствия духа. Не представляю, что должно было твориться у них внутри от тревоги за сына и брата, но сейчас они слажено и собрано оказывали помощь Бруну.

– С ним все будет хорошо, – ободряюще сказала мне Ома, хоть я и видела в ее глазах мелькнувшее на миг сомнение. Это мне бы стоило ее утешать, а не наоборот. – Он сильный, ты видела как он сражался за Грана? Как дикий зверь! С ним все будет хорошо. Мы не потеряем его!

Столько чувств звучало в ее словах и это «мы», что некстати кольнуло где-то под ребром. Свободной рукой она легко отвела упавшую прядь с его лба. А я тем временем каждой клеточкой своего тела желала, что пусть у них будет свое «мы», лишь бы он поправился. Лишь бы выжил.

Как я могла быть такой дурой?! Чувство вины тяжелым камнем опустилось куда-то в районе сердца. Если оно у меня еще было. Может, если бы этот поцелуй состоялся, то все было бы иначе? Я ведь знала, что нельзя, нельзя вмешиваться в увиденное! И расплата не заставила себя ждать...

За своими мыслями я не заметила, как мы оказались уже у дверей дома. Занесли и уложили Бруна на большой кухонный стол, с которого смели все лишнее. Идун махнув на свои раны, которые он называл царапинами, почти сразу ушел обратно к площади, помогать другим раненым, тут его помощь уже не требовалась, и заодно выяснить, что король собирается предпринимать дальше. Нам нужно знать, как спасти Грана и Юрна. На шум нашего возвращения

проснулись и захныкали Ман и Уна и Бланка ушла к ним наверх, чтобы снова уложить. Мы не хотели, чтобы они видели таким Бруна, по крайней мере до рассвета. Незачем пугать еще и их.

Вскоре пришел лекарь. Он промыл Бруну место волчьего укуса, которое было похоже на месиво, наложил лечебную мазь, несколько швов и свежие повязки. Напоил его отваром, чтобы он проспал всю ночь и не тревожил свои раны. Мы решили по очереди дежурить и следить не поднялся ли у него жар. Это сейчас было самое опасное.

Когда за лекарем закрылась дверь, мы как по команде без сил опустились на лавки, только сейчас осознав, что почти не разговаривали между собой, кроме фраз вроде «подай повязки», «придержи его голову» и «я принесла чистой воды». Все были погружены в свои мысли.

– Кто эта женщина? Как она смогла превратить наших детей в волков? – первая нарушила тишину Наина. Лицо серое, плечи опущены, если поначалу она держалась на желании помогать, то сейчас стала похожа на пустую оболочку из которой вытянули жизнь.

Я, Шипп и Тауна переглянулись. Мы помнили из старых сказок Ики про Источник волка. Один из семи великих Источников, что существовали в те далекие времена, но все как один были утеряны, когда люди прогневили Праматерь. Нам посчастливилось найти один из них или сразу все в одном, мы этого не знали. И тем более, мы никогда не слышали, чтобы Источник мог подчинять испивших его вод воле другого человека. Тут что-то другое, но что? Ответа у нас не было.

Мы молчали, не решаясь поделиться даже этим крохами знаний, помня о нашем долге хранить тайну Долины.

– Видимо у нее какие-то личные счеты с королем Атли, раз ей нужен был только он, – осторожно начала Тауна. – Но для нас сейчас главное найти способ, как вернуть наших мальчиков.

– Куда она их увела и что собирается делать дальше?

– Я не знаю, – покачала головой Тауна. – Но с ними все будет хорошо, слышишь, Наина? Они ей зачем-то нужны, поэтому она не причинит им вреда. У нас есть время, чтобы придумать, как вызволить их. Ты сама слышала, что она бросила вызов королю на первый день весны. До этого у нас еще два оборота луны!

– А если они навсегда останутся такими? Волками? – наконец она произнесла то, что по настоящему страшило ее.

– Юрн никогда не перестанет быть твоим сыном, как и Гран – моим, чтобы не произошло! – твердо сказал ей Шипп.

Наина кивнула, но слезы беззвучным потоком полились из её глаз. Она подошла и обняла маму за плечи, пытаясь ее утешить. Мы снова погрузились в свои мысли, так что было слышно только треск свечей и неравномерное дыхание спящего Бруна.

– Она собирает войско. Волчье войско, – спускаясь по лестнице, произнесла тихо Бланка. Тихо, но я вздрогнула, словно прогремел гром.

Предположение Бланки еще больше всех встревожило. Если они ее армия, значит будет война. А война это всегда только кровь, потери и горе, ничего больше. Из задумчивости нас вывел звук открываемой двери, вернулся Идун. Всклоченный, перепачканный и уставший. Хотя мы все были сейчас не в лучшем виде.

– Как Брун? – первым делом спросил он, отряхивая снег с волос.

– Пока сложно сказать. Лекарь дал ему снадобья и он спит, но он потерял много крови.

– Он поправится, непременно! – Идун пытался ободрить Шиппа, похлопав его по плечу. Они на секунду обменялись взглядами с Тауной и по легкому качанию ее головы я поняла, что Идун безмолвно спрашивал, как много мы открыли Наине и Оме, чтобы не проболтать лишнего. – А у меня есть новости. – Мы все обратились в слух, приготовившись ловить каждое слово кузнеца. – Составили список всех обращенных, кого увела Мора. В нем сейчас полторы

дожины имен. Но о Гране и Юрне я не сообщил. – Мы благодарно киваем. – Итого двадцать. Всем не больше девятнадцати.

– Все так молоды. Получается она специально выбирала, кого обратиться, – произнесла я задумчиво.

– Она выбирала молодых, наверное, они легче поддаются ее чарам, – Ома вновь и вновь прокручивала с своей памяти, с какими остекленевшими глазами Юрн бросился защищать Мору. Ничто не могло его остановить. И, если бы она приказала атаковать нас, возможно, он не смог бы сопротивляться. Я содрогнулась.

– Я тоже так считаю, – согласился Идун. – Еще король обещал собрать отряд лучших ищеек, чтобы отправить их на поиски Моря.

– Что-то мне подсказывает, что это может быть бесполезно, – добавил Шипп. – Эта женщина умна, мы это уже видели сегодня, хоть и отчаянна. Но она должна понимать, что ей в след отправят погоню. Поэтому, я думаю, она затаится или будет водить их вокруг пальца.

– И мы должны ей в этом помочь! – горячо заявила Бланка. Так что Наина с Омой вздрогнули, а затем непонимающе посмотрели на нее.

– Помочь?!

– Да!

– Моя сестра права. Нельзя допустить, чтобы ищейки короля добрались до них первыми, – вот уж не думала, что буду поддерживать сумасбродные идеи Бланки, но тут с ней было не поспорить. – Мы не знаем, что они предпримут, если найдут стаю первыми... Оставят ли кого-нибудь в живых... Вы слышали, как Атли называл Мору ведьмой и грозился послать ее на костер.

Ома вздрогнула от моих жестоких слов и сильнее вжалась в мать, но Тауна понимала, о чем я говорю и согласно кивнула. Шипп и Идун тоже поддержали меня.

– И что вы предлагаете? – слезы моментально высохли на глазах Наины, она вся подобралась, как хищница, только мы стали обсуждать план действия. Я прониклась к этой женщине еще большей симпатией.

– Нужно незаметно сбить ищеек со следа, когда они отправятся в путь. Мы знаем, когда Мора будет у Ледовой Пустоши, и будем ждать ее там раньше Атли, главное чтобы они добрались туда живыми.

Вопрос, как мы освободим Грана, Юрна и остальных от чар Моря, пока повис в воздухе.

– Я уверена, мы найдем выход, – твердо заявила Тауна. – А пока уже поздно, мы все устали и все равно ничего сейчас сделать не сможем. Так что давайте отдыхать. Нужно набраться сил. На столе есть отвар, он поможет вам уснуть. А я первая подежурю у постели Бруна.

Все согласились. Я подошла и осторожно оцупала лоб спящего друга, чтобы убедиться, что у него не начался жар. Но слава Праматери, он был обычной температуры. Я смотрела, как у него подрагивают ресницы, а между бровей залегла складка и не могла вспомнить, как я могла так на него злиться еще пару часов назад. Какие глупости были в моей пустой голове! Сейчас все мои мысли и молитвы лишь о том, чтобы он поправился.

Наина поднялась, повязала шаль и накинула плащ, продвигаясь к выходу.

– Спасибо за все, Тауна. Без твоей поддержки я бы не пережила этот вечер, – горячо благодарила она, прижимая руку к сердцу.

– Вы всегда можете на нас рассчитывать. Я постелила вам с Омой у нас, оставайтесь, места всем хватит.

– Спасибо, подруга, но я вернусь на постоянный двор. Дан должно быть уже приехал и ищет нас. Новости добрались и туда и он наверняка не находит себе места. А Ома пусть останется, вдруг вам понадобится помощь. Она сможет сделать необходимый отвар, если Бруну станет хуже.

– Я и не сомневаюсь, она же твоя дочь, – женщины обменялись слабыми улыбками, благодарные друг другу за поддержку.

Затем мы проводили Наину, обнявшись на прощание. А после все потихоньку стали расходиться по своим местам словно тени. Я стала прибирать раскиданные вещи, просто чтобы чем-то себя занять. В тишине чувство вины снова начало свербить внутри.

Случайно мне в руки среди других вещей попался кожаный пояс Грана, который он снял перед праздником и оставил дома. Я погладила теплую гладкую кожу, думая, как он там сейчас. Тотем Грана – заяц, а он оказался в шкуре волка. Что он сейчас чувствует? Не разрывают ли его два внутренних зверя на части. Мы знаем, как опасно долго быть в теле своего тотема, так можно потерять связь со своей человеческой природой и не найти выход обратно.

Как я допустила это? Почему не была рядом? Нельзя было отходить от них ни на шаг! Знал бы только Шипп, кто виноват в том, что его сын сейчас в такой опасности...

Я все еще сжимала в руках теплую кожу пояса, как почувствовала медленно накатывающую волну мурашек по спине. Подкатившие слезы замерли не успев проложить себе дорожки по щекам. Снова!

Плотный сбитый снег почти по самое брюхо. Ему, Грану, и без того тяжело бежать в гору, а по такому снегу силы быстрее покидают тело, мышцы напряжены. Но стоя упорно, след в след, бежит за белоснежной волчицей, которая на невидимых нитях ведет вперед, словно незадачливых щенков на привязи. Они не могут не подчиниться. Волки бегут через густой хвойный лес, где иногда слышно уханье совы или треск белки, перебегающей с ветки на ветку. Впереди просвет, лес заканчивается. Белая волчица первая выходит на открытую поляну и замирает. Её взгляд устремлен на гору, с раздвоенной вершиной, которая возвышается над скалистой грядой. Алайд. Оплот льда и холода, укрытый в сердце Белой Гряды. Волчица вскидывает морду к небу и так протяжно и торжественно воет, что сердце замирает. Она сообщает стае, что дом близко.

Я вздрогнула с резким вздохом, возвращаясь. Снова видение. И это первый раз, когда я ему рада!

Я видела их путь и теперь знала, куда они направляются. Но Алайд...

Я помнила ее по рассказам старейшин у костра, когда еще была маленькой. Одинокая гора, гора-владычица, двурога. Как ее только не называли, но это лишь подчеркивало тот факт, что рядом с ней остальные снежные вершины Белой Гряды – всего лишь мелкие жалкие подданные. Вместо короны у нее раздвоенная вершина в форме месяца, что венчает ее. Алайд сложно с чем-то перепутать, хотя я и была бы рада сейчас ошибаться. Хорошее же логово выбрала себе Мора. До нее так просто не подобраться, да и пути несколько недель, при условии, что не сгинешь еще в начале. Страна вечных снегов и холода. Вот, где настоящее сердце Севера.

И я должна пойти туда...

И идти нужно одной. Больше я не буду рисковать ни чьими жизнями, достаточно того, что я уже сделала. Я лихорадочно соображала, что же мне делать. Нельзя терять время! Нужно только дождаться, когда все улягутся спать и незаметно выскользнуть из дома.

Прошло примерно полчаса, когда я перестала слышать шорохи и ворочанья домочадцев. Тауна, что сидела у постели Бруна, тоже задремала, прямо сидя за столом и опустив голову на сложенные руки. Я надеялась, успокаивающий отвар действует хорошо, но все равно старалась двигаться бесшумно. Нужно взять только самое необходимое. И лошадь. Надеюсь Шипп простит меня за то, что я уведу Вихру.

В постель я незаметно для остальных легла уже одетой, дождавшись, когда все разбредаются по спальным местам. Хотела сохранить время и никого не разбудить. Надела дорожные плотные штаны, рубаху, сверху длинный вязаный свитер с высоким воротом. Встав, сверху накинула меховую безрукавку, широкий кожаный пояс, свою темно-зеленую накидку с капюшоном, изнутри подбитую буро-черным мехом. Плотный сарафан, что был на мне на празд-

нике так и остался лежать на постели. Взяла колчан. Хорошо, что я пополнила на ярмарке запасы стрел. Теперь они мне точно пригодятся.

Двигаться старалась осторожно, не издавая ни звука, но все равно каждый раз замирала в страхе, когда кто-то начинал ворочаться во сне. Наспех собрала в сумку немного провизии: кусок твердого сыра, лепешки, ломоть хлеба, который вчера испекла Тауна, мешочек вяленых ягод клюквы, что припасла на обратный путь в Долину. Положила огниво, пару силков, маленький котел и жестяную кружку, скрутила свое меховое одеяло и закрепила на поясе короткий клинок.

Только выложила на стол два медовых пряника, завернутых в холстину, что взяла с общего стола на празднике для родителей. Бланка поймет и передаст им.

Все готово.

Взяла в руки ботинки, чтобы бесшумно надеть их за дверью и не разбудить никого стуком подошвы. Накинула капюшон и выскользнула наружу. Я уже почти отвязала лошадь, как раздался тонкий скрип шагов по обледеневшим камням.

– Уходишь. – Это даже не вопрос. Бланка смотрела на меня своими большими голубыми глазами, в которых застыла печаль.

– Я должна идти. И со мной нельзя! – я сразу отрезала все вопросы.

– Я знаю. Старая Ика перед отъездом сказала мне, что, возможно, твой Путь начнется здесь. И велела передать тебе это.

Она протянула мне небольшой сверток. Мой рот приоткрылся от удивления. Откуда она могла знать? Эта старуха полна секретов, но сейчас не было времени думать об этом и я засунула сверток в заплечную сумку. Потом посмотрю. До рассвета оставалась всего пара часов.

– Да. Не буди, пожалуйста, никого, прошу! – взмолилась я.

– Не буду. Ты знаешь, что делаешь? – спокойно спросила сестра.

Знала ли я? Я очень сомневалась, но все таки кивнула, чтобы успокоить сестру.

– Скажи всем, когда проснуться, что я попытаюсь все исправить. Если мне удастся, я верну Грана и Юрна домой, если нет... – я даже боялась думать об этом “нет”, – вы знаете, как добраться до Ледовой Пустоши раньше Атли.

– Я все передам.

– Позаботьтесь о Бруне, как следует. И передай маме и отцу, что я их люблю. Сильно! – она кивнула и бросилась меня обнимать. – И тебя.

Я потрепала ее по светлой макушке.

– Береги себя, – мне не хотелось выпускать ее из объятий. Что, если я вижу ее в последний раз? Я быстро отогнала от себя эти мысли. Нельзя раскисать!

– Вот возьми, это тебе пригодится, – Бланка протянула мне свои любимые меховые варежки, что расшила специально перед поездкой в Варгард.

– Спасибо, – я тут же натянула их и подхватила Вихру под уздцы, что уже перебирала копытами и фыркала в нетерпении.

Быстрым шагом и не оглядываясь, чтобы не было соблазна вернуться, я направилась к главным воротам, через которые только вчера мы прибыли в город. Прошло меньше суток, а ощущение, что это было в прошлой жизни. Гран был с нами в безопасности, мы еще не были знакомы с Омой и Юрном, и мысли Бруна не были заняты кем-то другим.

Около ворот я постучала в тяжелую деревянную дверь, охрана моментально распахнула маленькое окошко в сторожевой. Показалось угрюмое лицо.

– Чего тебе? – грубовато спросил стражник с всклокоченными седыми волосами.

– Хочу обратно получить свое оружие, – без лишней вежливости под стать ему ответила я и протянула кожаную бирку.

Дверь приоткрылась и меня пропустили внутрь. Стража взвинчена и насторожена, оно и понятно, после событий этой ночи работы и подозрительности у них прибавиться. Но лук мне

отдали без лишних вопросов, видимо покинуть город легче, чем в него попасть. Всё заняло не больше десяти минут и вот он уже у меня в руках. Прежде чем двинуться дальше, я сняла рукавицу, чтобы провести пальцами по его красивым резным плечам. Он придавал мне уверенности, как будто мне вернули не вещь, а часть моего тела. «Пусть его придется использовать только для охоты, чтобы добыть себе пропитание» – попросила я Праматерь, закидывая лук за спину.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.